

ГРЕЦКИЙ *орешек*

Ната Ваги

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ната Вади
Грецкий орешек

«Автор»

2026

Вади Н.

Грецкий орешек / Н. Вади — «Автор», 2026

Мирославу Горину судьба выдает редкую возможность — свести старые счеты с девушкой, которая все годы учебы в университете держала его в жесткой френдзоне. Теперь прошло уже пять лет, не настало ли время реально закрыть гештальт? Но любое движение в сторону Наташи Иволгиной способно разрушить хрупкое равновесие. Второй шанс для него? Новая любовь для нее? Прошлое никак не отпускает, даже если оба делают вид, что забыли. История о втором шансе, цене ошибок и границах, которые труднее всего провести в сердце.

© Вади Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	59
Глава 16	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ната Вади

Грецкий орешек

Глава 1

Девочка — грецкий орешек, упрямо твёрдая скорлупаНо стоит ей треснуть, как рассыпается прям в руках...

Мирослав

Случалось ли вам в жизни когда-нибудь попасть во френдзону? И я не про ту, где вы пострадали месяц-два и забили.

Не.

Просто потому что мне — да, доводилось. Не знаю, как там у других, но мне моя казалась одной из самых жестких и длилась больше четырех лет.

И ладно бы я был там каким-то додиком, нюником, придурком отбитым или сыночкой-корзиночкой, но нет же. Более чем нормальный пацан, с головой на плечах, далеко не урод. На меня девчонки сами вешались активно примерно с моих лет пятнадцати. И к своим семнадцати я уже считал простые поцелуи, долгие ухаживания, встречи абсолютно неинтересными, потому что если можно получить реальный секс вместо чего-то платонического, то нафига оно все?!

Сейчас, вспоминая прошлое, понимаю, что в целом у меня была не прям какая-то кошмарная жизнь. Это *тогда* я думал, что хуже меня в семье никого не достают. Потому что после смерти отца, а мне тогда было всего десять, за меня взялся дед. Повернутый на всю голову. Далек не последний человек во всей Новосибирской области, но лютый неадекват, женоненавистник и просто больной на голову человек. Который ставил мне условия, испытывал на прочность и вечно грозился, что лишит меня всего. Собственно, и лишал за непослушание. Поэтому если не знать, кто мой дед, то в жизни никто не догадался бы, что я какой-то там будущий богатенький наследник. Нихера у меня тогда не было. Но слушать чокнутого, чтобы он бабло подкидывал, — себе дороже. Мать при нем и рта раскрыть не могла, а мой младший брат был деду неинтересен, типа слишком мелкий еще. Нафига ему он, когда есть я.

Поэтому на меня всё говно и валилось.

Где-то убыло, где-то прибыло, как говорится. Зато у меня была просто лучшая компания друзей, мы держались вместе еще с пятого класса, такого дружного класса, как наш, я, пожалуй, никогда не встречал. И эта дружба оставалась такой же крепкой и после того, как все после выпуска разбежались по разным универам.

День, когда меня торкнуло, я помню в деталях. Мы с моим лучшим другом Севой завалялись к нашей подруге Юльке. Мать у нее вечно работала в вечерние или ночные смены, поэтому хата была свободна в удобное время. Несмотря на то, что я учился в НГТУ на информационной безопасности, Сева учился на социолога, а Юлька поступила на юридический, мы всей компанией, а помимо нас троих там было еще шесть человек, виделись если и не каждый день, то почти.

Шел октябрь, и мы все были первокурсниками уже чуть больше месяца. За окнами было серо и промозгло, ветер срывал последние листья с деревьев, и в комнате у Юльки особенно остро чувствовался уют. Я расположился в старом кресле с продавленными подлокотниками, которое помнило еще, кажется, её прабабку, и листал ленту в телефоне. Сева развалился на разложенном, застеленном покрывалом диване, закинув ноги на стену, и травил очередную историю про универ. Юлька сидела за компом и активно печатала что-то.

Я слушал Севу вполуха, иногда вставлял «да ладно» или «иди ты», чтобы создать видимость внимательности, просто он болтун был страшный. А потом поднял голову просто так, чтобы глянуть на Юлькин монитор, — и все...

У подруги была открыта страничка в соцсети, и я залип на фотку девчонки на аватарке. Достал телефон, навел камеру и приблизил, чтобы разглядеть фото поближе.

Прям буквально подвис. Сидел, смотрел и, кажется, даже не моргал. В груди как-то странно екнуло, будто сердце пропустило удар, а потом разогналось с удвоенной силой. Тепло разлилось по животу, пальцы сжались на телефоне. Я смотрел на эту фотку и не мог оторваться. Подруга Юлькина еще и в мой типаж отлично вписывалась: миниатюрная брюнетка с беби-фейсом, аккуратненькой фигуркой и ну очень симпатичная: с шикарными километровыми (своими!) ресницами, светло-кариими глазами, курносый носиком и красиво очерченными губами.

Офигенная!

Наташа Иволгина, значилось у нее в профиле. Тоже, значит, будущий юрист. И моя ровесница.

— Эй, Мирный, ты меня слышишь? — Сева помахал рукой перед моим лицом. Я даже не заметил, как он подошел. — Ты че завис?

Я отмахнулся, встал с кресла и подошел к Юльке. Уперся взглядом в экран.

— Это кто?

Юлька обернулась, посмотрела на меня, потом на экран, потом снова на меня. В глазах мелькнуло что-то типа понимания.

— Подруга. С универа. А чё?

— Красивая, — сказал я и сам почувствовал, как тупо это звучит. И как горят скулы, тоже ощутил. У меня, который с пятнадцати лет девок менял как перчатки, лицо, да что там лицо, всё тело горело лишь от фотки незнакомой девчонки.

Сева подошел сзади, заглянул через плечо и сразу выкупил ситуацию. Ухмылка у него была та еще — подначивающая, довольная.

— О-о-о, — протянул он, смакуя каждую букву. — Брат, ты бы видел свое лицо. У тебя слюни уже на пол капают.

— Иди нахрен, — огрызнулся я, но беззлобно. Потому что он попал в точку, а развивать эту тему мне не улыбалось.

Повернулся к Юльке и начал выпрашивать контакты. Хотел написать Наташе в мессенджере. Подружания только хмурилась и говорила, что ее новоиспеченной приятельнице это не зайдет.

— Почему, Юльк? У нее парень есть?

Вот да, кстати, эта мысль не сразу посетила мою поплывшую головушку. Внутри как-то неприятно дернуло, по телу холодок прошел. Я даже представил на секунду, что она там с кем-то мутит, и сразу захотелось этому гипотетическому парню втащить.

Бред полный, конечно.

— Нет, — Юлька мотнула головой и отвернулась к экрану, показывая, что разговор окончен. Но меня уже понесло.

— Ну а что тогда ты жмотишься? — я навис над ней, чувствуя, как раздражение смешивается с этим странным, липким ощущением, которое появилось от фотки. Мне нужно было с этой девчонкой заобщаться. Прям физически нужно. Я не мог этого объяснить, но чувствовал каждой клеткой: если мы не начнем общаться, потеряю что-то важное. Классный секс, например? Ладони вспотели, в горле пересохло.

— Надо у нее сначала спросить, захочет ли она с тобой пообщаться, — отрезала Юлька.

Закатывал на это глаза и не понимал, с чего это Пуртова вообще стала такой правильной и уважающей чужие границы. Раньше она была сильно проще. А тут вдруг включила режим «яжподруга».

Но и я не отставал. Каждый день, когда мы виделись с Юлькой, напоминал о своей просьбе. Давил, уговаривал, ныл как маленький. Самому от себя было тошно, но ничего не мог поделать. Эта девочка из головы не выходила. Написать в социальных сетях ей было невозможно: и страница закрыта, и круг лиц, которые могут отправлять ей личные сообщения, тоже ограничен.

Меня накрыло, конечно, как последнего лоха.

В итоге, Юлька надо мной сжалилась через недели полторы и дала номер своей новообретенной, очень красивой свободной подруги. Потому что я давил, не забывал и уговаривал.

— На, пиши. Но я ей уже сказала, что ты интересовался. Она в курсе, но на общение с тобой не настроена. Вообще меня придушит, когда узнает, что я ее номером раскидываюсь. И Мирослав... — Юлька посмотрела на меня серьезно, даже как-то по-взрослому. — Ты это, полегче там. Она не из тех, с кем можно просто развлечься.

— С чего ты взяла, что я только развлекаться хочу? — буркнул я, сохраняя номер.

Не совсем правду сказал, потому что я определенно хотел сконнектится с девушкой в физической плане. Это точно. Но чуяла моя жопа, было там что-то ещё...

Встретила меня Натали в сообщениях не слишком доброжелательно. Ответила с сарказмом, иронией и холодком. Типа не заинтересована, и шел бы я вообще лесом.

Меня сначала будто об стену приложили такой реакцией. Да мне сроду не отказывали. Брал если не внешней, то харизмой точно. Обида плеснулась где-то в груди, смешалась с раздражением и желанием получить расположение. Но я же говорил, что дураком не был. И прекрасно понимал, что если бы девчонке всё это было совершенно неинтересно, она бы кинула меня в ЧС или просто игнорировала. Наташа же хоть и недовольно, с сарказмом и иронией, но отвечала мне.

Боялся в переписке показаться тупым, пошлым, навязчивым. Боялся, что она меня всё-таки пошлет. И сам себя не узнавал. Потому что я, который к мои почти восемнадцать годам уже считал ухаживания пустой тратой времени, тут вдруг превратился в школьника, который боится ляпнуть лишнее.

Я уже не знал, что конкретно от нее хотел. Поразвлечься — может быть, поначалу, но уже в первый день общения понял, что это не тот случай. Здесь подтвердились слова Юльки. Встретаться с ней — хер знает, но почему бы и нет. Мне ее хотелось сделать своей, а что туда входило конкретно, я тогда еще не понимал. И уж тем более не предполагал, что меня в будущем такое количество раз отошьют. А еще будут то притягивать поближе, то отталкивать. Что я буду стараться выкинуть эту девчонку из головы, но потом снова возвращаться к нашему ни к чему не ведущему общению.

Если бы я только знал, что мне будет с частой периодичностью так больно, то я бы ей ни за что тогда не написал.

И вот теперь двадцатисемилетний Мирослав Горин, владелец большой компании по организации корпоративных мероприятий под названием Эвентум, не видевший и не пересекавшийся с леди Натали уже пять лет, снова сидит и залипает на ее фотку. Только теперь в резюме, потому что завтра ее будут собеседовать на открытую позицию в наш юридический отдел.

В компании почти полторы тысячи человек, я давно не слежу за вакансиями, для этого есть отдел найма, не участвую в собеседах, разве что только топ-менеджеров. Но черт меня дернул сегодня залезть в раздел рассматриваемых кандидатов на портале и увидеть знакомую фамилию.

Сижу в своем кабинете, залипаю опять на фотку, как тогда десять лет назад в квартире у Юльки. И ощущаю, как в груди заворочалось что-то давно забытое. Как старый синяк, по

которому случайно ударили. Вроде зажило уже, вроде пять лет не вспоминал, а тут — нате, Иволгина Наталья Сергеевна собственной персоной.

И понимаю, что на *это* собеседование я схожу.

Глава 2

Мирослав

Досконально изучаю ее резюме. Тут девичья фамилия. Хм, может развелась?! Я же точно знаю, что замкж выходила. Хотя, и в соцсетях у нее после замужества оставалась девичья фамилия. По фотке все та же Наташа, как будто вообще не поменялась, но тут хрен знает, когда фотография была сделана. Понятно, что за пять лет человек не прям катастрофически меняется.

В резюме нет информации о семейном положении и детях, просто не добавлены эти строчки. Хотя щас это никто особо не указывает. По местам работы тоже непонятно, был ли перерыв на декрет или декреты во множественном числе. Первое место работы в Екатеринбурге, второе тоже. Приличные, кстати, фирмы.

В целом больше ничего интересного не вижу. Указано, что не готова к командировкам. Это обычно намек если не на наличие мужа, то на детей точно. Отмечаю, что телефонное интервью с ней уже провели. Узнавать у кого-то, что она вещала в этом разговоре — тухляк, потому что там все по работе. А этот аспект мне как раз таки не особо интересен.

Из нашей прошлой крепкой дружеской тусовки я вылетел. Добавил бы тут даже, что с треском. Сначала сама компания немного подрасколослась, а потом я свалил в другую страну на последнем курсе универа, но это отдельная история. У Юльки вообще теперь в немилости, мы не пересекаемся, не общаемся, хоть и живем в одном городе. С Севой тоже мало контакчим. И не в курсах, до сих пор ли дружит Юлька с Наташей.

В общем, всё весьма непонятно. Но ничего, завтра попробуем распутать этот клубок. На собесе. Потому что я уже предупредил нанимающего менеджера, что хочу поприсутствовать. Специально обозначил, что свободен именно в конкретный слот, потому что знал, что он был забит под мою Наташу. В отделе найма, конечно, все обосрались уже, думают, что их будут проверять. А мне дела до них нет, у меня свой интерес.

О котором им знать, естественно, необязательно.

Интересно, сама Натали знает, в чью компанию идет устраиваться на работу. Если общается с Юлькой, то, скорее всего, да, та ей доложила. Если не особо они контакчат, то вряд ли. Это ведь нужно покопаться прям, чтобы узнать, кто владелец.

По итогу весь день просто ни хера не делаю, потому что как только за что-то берусь — накатывают воспоминания, мать их. О том, как методично меня отшивали. Весь день насмарку. Даже к брату* с его девушкой, хотя блин, уже невестой по факту, не еду, при том что обещал сегодня заглянуть. Потому что если малой не заметит, то Ярослава точно поймет, что я по чему-то загоняюсь.

Нафиг это.

Я сам не знаю, что хочу и нахера собираюсь на это собеседование идти завтра. Чтобы что? Начинаю уже думать, что никуда не пойду. Потом понимаю головой, что все равно не смогу устоять. Вообще не рассматриваю вариант, что в будущем Натали может стать фактически моей подчиненной. Не под прямым руководством, конечно, но всё же. Жопу ставлю, что когда она меня завтра увидит, то вакансию эту нахер пошлет. Из принципа. Просто, мать ее, уверен в этом.

Блин, не могу остановить всякие картинки, воспоминания, анализ прошлого. Не получается.

Когда мы с ней только начинали общаться, я был на каком-то драйве. Меня вставляло, что она такая холодная (прям снежная королева), сложная, вредная, язвительная. И с ней было интересно, потому что девочка-то оказалась с мозгами, умненькая. За словом в карман не лезла. Помню, как мы спорили ночами напролет — о музыке, о фильмах, о какой-то фигне.

Она могла разнести в пух и прах любое мое мнение, накидать тонну аргументов, и меня это заводило. Лежал в кровати, смотрел в потолок и улыбался как дурак, когда на телефоне всплывали ее сообщения. Предлагал пару раз ей еще в самом начале встретиться, на что получал категоричное нет. Старался не напирать, чтобы лишний раз ее не спугнуть.

И в итоге в первый раз мы пересеклись в реальной жизни только на днюхе Юльки в декабре. Я прям ждал этого дня, хотел девчонку увидеть вживую, смутить, дожать, дорваться до нее. И что я получил? Наташа равнодушно со мной поздоровалась и вообще, кажется, почти весь вечер не смотрела на меня. Зато я пялился безостановочно. Следил, как она потягивает вино, как общается со всем, кроме меня, как смеется, как поправляет волосы. Наблюдал, как повышается количество градуса в ее крови, а девушка становится более свободной и раскованной. У меня внутри все кипело от желания и обиды одновременно.

В итоге она была навеселе, собственно, как и я, как и все. Обычная история для студентов. Уже не вспомню, в какой момент и при каких обстоятельствах мы с ней всё-таки остались наедине, но было такое точно, что я ее касался, мы чуть-чуть общались, она даже не противилась. Не, ничего неприличного я вообще не делал, не урод же. Просто приобнимал девушку и руки наши переплетал. Сейчас кажется это всё смешным, потому что за ручки с девчонкой подержаться было примерно последним, что меня интересовало в то время. Но именно с ней я плавился, таял и, наверное, где-то на задворках сознания понимал, что глубоко влипаю во что-то. Тогда мне казалось, что вот, мы же сейчас вместе, просто общаемся вживую, она наконец-то на меня смотрит, не отталкивает.

Как же я ошибался!

Это я уже позже пойму, что Наташа немного нетрезвая и Наташа в абсолютно ясном уме — разные люди. А Наташа нетрезвая — явление достаточно редкое. И происходившее только, когда мы потом пересекались на каких-то общих вписках.

Мы позже иногда вместе гуляли. В компании, естественно, и только, кажется, один раз за четыре года встретились наедине. Она в тот день была слегка отстраненной, еще более холодной и незаинтересованной. Я же бесился. Помню, как шел рядом, сжимал кулаки в карманах и думал: *«Ну почему? В переписке же всё по-другому»*. А еще в тот день, когда мы с ней первый и последний раз погуляли вдвоем, встретили какого-то чувака, к которому она явно была неравнодушна. Ну, мне так казалось. Покраснела, распереживалась, стала дерганной. Наблюдал за всеми этими метаморфозами и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Какая-то дикая смесь злости и отчаяния. Захотелось врезать этому хрену просто за то, что он существует. Потом у Юльки расспросил, что это за чувак и что у Наташки с ним было. Она просто пожимала плечами, отводила глаза и говорила: *«Что-то было, хочешь узнать — спроси у нее. Я тебе не доносчик»*. Но я, конечно же, никакие вопросы моей Натали задавать не стал.

В сети мы с ней общались классно, и она мне даже первой писала вопреки всяким домыслам, что девушки только ждут инициативы от парней. Но вот в реальной жизни у нас не складывалось. В какой-то момент я в первый раз взбесился и сам прекратил переписку. Ибо нехер.

Не помню, сколько тогда мы не общались. Не считал, и сколько за последующие годы с моей стороны будет попыток остановить это малопонятное взаимодействие. Но прекращал всё я и потом возобновлял всё тоже я.

И так по кругу.

Я, конечно же, не держал никакой целибат и встречался и общался с другими девушками. Ничего серьезного, просто периодически развлекался. Но прекрасно понимал, что с Наташкой всё иначе, в нее я втюрился. Юлька говорила мне тогда, что это карма меня настигла за всех тех девчонок, которые от меня что-то ждали, но я вечно не был серьезно настроен. Может быть, она была права. Потому что я реально ощущал себя наказанным. Как будто кто-то сверху решил: *«А давай-ка мы Мирославу покажем, каково это — хотеть и не получать»*.

Когда перерывы в общении заканчивались, мы с Натали иногда могли переписываться до пяти утра, не спать вместе (только не в том ключе, в котором мне бы этого хотелось). Мы точно флиртовали периодически, и это не было моими домыслами и фантазиями. Я не помню уже, делал ли я попытки позвать ее еще куда-то, чтобы встретиться наедине. Потому что все эти периодические прогулки в компании, переписки, мысли, откаты перемешались у меня в голове по истечении стольких лет.

Как-то летом, кажется, это было после второго курса, когда в очередной раз наше общение было на паузе, она как-то особенно часто гуляла в нашей компании, приезжала к нам на район. И я решил, что просто буду игнорировать ее присутствие, не буду смотреть, пытаться заговорить. Типа чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей. Сидел с пацанами, ржал над их шутками, уделял внимание другим девчонками, а краем глаза всё равно следил за Наташей. Видел, что она как будто бы обижается, ну так мне казалось или просто хотелось. Как губы свои красивые кусает, как раздражается, что я с какими-то левыми девками разговоры веду, а на нее даже не смотрю. Внутри всё ликовало: «Ага, задело!».

Хотя по факту же ничего не менялось.

Мне кажется, каким-то поворотным стал третий курс и Новый год. Мы, вроде бы, незадолго до праздника начали с моей больной влюбленностью снова общаться чуть-чуть. Она отмечала праздник со своими девчонками из универа (там уже тоже образовалась своя компания) у Юльки. Мы с парнями встречали Новый год у нашего друга Лёхи. Были и какие-то левые девчонки на хате с нами, плохо уже помню. А когда меня с Новым годом поздравила моя Натали лично, позвонив мне по видео, я уже понял, что им там у Юльки весело. Потому что в здравом уме и трезвой памяти девчонка бы сама со мной не связалась.

Естественно, они позвали нас к себе. Естественно, мы не могли отказать.

Это была и лучшая, и в то же время одна из самых болезненных новогодних ночей эвер.

Лучшая, потому что мы с Натали поразительное количество раз за эту ночь оставались наедине. Ребята вечно куда-то уходили, курили, хлопушки взрывали, фейерверки запускали. И мы в эти моменты не присоединялись к ним. Она тогда пила алкоголь, конечно, как и я, но мы оба нормально соображали. Это стопроцентно. Она сама меня касалась, держала руку у меня на бедре при всех, я же пытался оградить ее от коктейлей, которые нам начал намешивать Сева. Короче, мы много болтали, смеялись, ловили взгляды друг друга.

Я мысленно умирал и воскресал от ее ног в коротком платье, от запаха, от красивого наряда и длинных мягких волос. Постоянно утыкался носом ей в шею, проводил губами по ключицам, как будто пытаюсь надышаться. Каждый раз, когда она отстранялась, ощущал физическую потерю. Когда прижималась — внутри всё разогревалось до температуры плавления.

В тот вечер мы целовались. Впервые и много. Я раньше на других вписках обычно с ней держал себя в руках, потому что мне не хотелось вот так, нетрезвому к ней лезть. Желал всё ощутить в реале. А тут... не смог устоять. Она тоже хотела, это было заметно. Сначала я целовал ее осторожно, но ей как будто самой стало мало. Её язык первым скользнул мне в рот. А мне только это и надо было. Мы дрейфовали где-то между безграничной нежностью и всепоглощающей страстью. С разгоном до того, что наши языки вступали в яростный бой друг с другом. И это было так кайфово, влажно, жарко, горячо. Меня прошибало, вело, я с ума сходил, хотел всего и сразу, и это не было от выпитого алкоголя точно. Я помню ее губы, их мягкость, как она выдыхала мне в рот, как ее пальцы то сжимались на моей футболке, то оттягивали со всей силы ворот в моменты особой страсти. Как дрожали ресницы, когда она прикрывала глаза от удовольствия. Не знаю, может быть, если бы ребята вечно не шастали рядом, то случилось бы что-то еще. Потому что, правда, сил держаться уже не было.

В какой-то момент я потащил ее на улицу поболтать. Скорее, заставил даже, чтобы от холода голова чуть прояснилась. В первую очередь ее. У меня были планы серьезно поговорить. Расставить точки над *i* еще и голосом. Просто поцелуев и касаний без определения наших

взаимоотношений мне было мало, потому что я хотел всего и сразу: завтра, послезавтра, через месяц, через год... Это просто общение было уже просто невыносимым, я слишком устал.

В ту ночь просил ее быть вместе в серьезном ключе. Твердил, что нужно хотя бы попробовать, потому что чего нам это стоит, не получится — разбежимся. И в то же время уверял, что всё точно сработает. Обнимал, шептал ей на ушко это всё, уговаривал. Чётко предложил встречаться. Кажется, в сотый раз за эту ночь пытался поцеловать. Спрашивал, что со мной не так, если она не хочет принимать мои чувства. Уточнял, нравлюсь ли я ей. Потому что про моё к ней отношение она знала с самого начала, я никогда не скрывал.

А Натали то жалась ко мне и отвечала на поцелуи, то отстранялась, то кивала, вроде бы, в согласии, то мотала головой отрицательно. В общем, в ту ночь четкого и понятного ответа и решения от нее я не добился. Помню, как стоял на морозе, смотрел в ее лицо, освещенное фонарем, и снова чувствовал себя псом, которого то гладят, то пинают. Пар изо рта смешивался с морозным воздухом, а в груди появлялось дурацкое чувство, что опять всё без толку.

Уже утром мы всей компании разошлись по домам.

Я знал, что к Наташке с отношениями и всем этим прочим надо идти по-трезвому. В адекватном состоянии. По-человечески. И на новогодних праздниках, когда наша компашка вся снова была в Новосибе, мы пошли в кино, все вместе. Решил, что потом отведу мою строптивую девочку гулять, чего бы мне это ни стоило, и там ее дожду, уговорю, настою. Я же не тупой и не слепой, у нее ко мне что-то есть, ее тянет. Просто зачем-то она эти чувства гонит и пытается заткнуть.

Надо просто поговорить.

По итогу Наташка хоть и сидела со рядом мной в кино, и мы даже иногда переговаривались по поводу фильма, всё равно от меня натурально шарахалась. Я ей комплимент — она в ступор. Я наклоняюсь к ней ближе в кинотеатре — она только сопит возмущенно. А потом вообще сразу после сеанса срулила домой на такси, я даже сделать ничего не успел. Зашел в туалет по понятным делам, а когда вышел, её уже и след простыл. Во мне такая обида кипела, что я все костяшки сбил об стену в подъезде в тот вечер. Юлька только сочувственно руками разводила, мол, что я могу. Она бы и сама хотела, чтобы мы сошлись с Натали, но если главная участница событий не хочет, что тут сделаешь?

Тогда я сдался, разобиделся, и мы не общались с Наташкой где-то месяцев девять точно, может чуть больше. Максимум, с днем рождения друг друга поздравили. И, вроде бы, за это время вживую даже не пересеклись ни разу.

Наверное, я бы свое мучение в плане переписки с ней возобновил и раньше. Но где-то в феврале от Юльки узнал, что у Наташки там нарисовались отношения. Юльке это парень не нравился, он был старше, они с моей зазнобой жили в одном доме, но в разных подъездах. Подруга делилась, что Натали даже несколько занятий прогуляла, чтобы провести с тем гондоном время, хотя она человек такой, что ни разу ни на одну пару в универе не опоздала, не то что прогулять. Образование ей было важно, и все развлечения у нее предполагались вне учебы. А тут так. Ну и как-то Юлька так выразилась, что стало понятно — у Наташки и ее новоиспеченного парня всё более чем серьезно.

Я прекрасно догнал, о чем талдычит Юлька. Она про секс.

Конечно, меня тут же размотало. Я тогда почувствовал, как внутри что-то рвется. Потому что по всем диалогам с Натали, по тому, как она не хотела ни с кем заводить отношения, по тому, что Юлька ни разу раньше не упоминала о том, что у Натали что-то и с кем-то закручивается, я понимал, что моя девочка — всё еще девочка.

Была.

Конечно, мечтал, что это буду я. Первым. Когда-нибудь. Когда Натали перестанет ломаться и сдастся. Когда скорлупка наконец треснет.

Хрен там плавал. Вот оно значит как? То есть всё-таки нашелся тот, кто покорило сердце и тело моей снежной королевы и царевны Несмеяны. Ну супер. Самое смешное, что этому уроду понадобилась неделя, чтобы залезть в трусы моей девочки. И, видимо, в душу тоже. Раз она ему все разрешила. А я три года бился, хотел по-серьезке, готов был ждать, сколько ей захочется, и всё впустую.

Я в тот вечер так нахерачился, что переспал с одной знакомой девочкой-припевочкой, которая по мне давно сохла. Она была на пару лет младше, ей только исполнилось восемнадцать. Алинка Вяземцева. Хорошенькая и чем-то отдаленно напоминала мне Наташку. Потому что типаж похожий.

Но всё равно не то, конечно.

И я эту Алинку распечатал, девственности лишил, мне потом так как-то стыдно стало, что даже решил с ней начать встречаться. Правда, вытерпел всего неделю. Ну не мое, блин. Сердцу не прикажешь. Она, конечно, плакала, считала меня предателем и гондоном. Так и было по сути. Ну а че я мог сделать? Сказать ей правду? Что желал видеть на ее месте другую?

Если бы умел видеть будущее, сказал бы Алинке, чтобы она так сильно не переживала и не страдала, потому что ей еще предстоит уехать со мной в Канаду в качестве моей официальной девушки.

Но это случится только через 2 года...

**Историю брата Мирослава — Саши Акимова можно прочитать в законченном романе «Разрешаю ненавидеть».*

Глава 3

Мирослав

Летом перед четвертым курсом после длительного перерыва и в переписке, и в каких-то общих пересечениях в компании, я увидел Натали. Надо отдать должное, периодически следил за обновлениями фоток на ее страничке. А этим летом она уже успела съездить со своей школьной подругой на море и активно постила фотокарточки. В красивых купальниках, конечно же. Загорелая, с ума сводящая, с вьющимися от соленой морской воды волосами. Я смотрел и чувствовал, как внутри разливается что-то тягучее и болезненное. Но даже тогда не стал возобновлять общение. Ну нахера мне оно!

Мы с парнями как-то приехали на дачу одного из друзей, без девок, кстати, что было для нас исключением. Просто хотели отдохнуть, поплавать в озере, шашлындос заделать. У Юльки тоже была здесь дача. Ее участок и наш были почти напротив. И конечно же, нам повезло: Пуртова со своей девчачьей университетской компашкой были на месте. Припарковались на машине и заметили их, когда выходили, а Юлька вышла нас поприветствовать. Я был в темных очках и мог со спокойной душой откровенно разглядывать девчонок, которые загорали, расположившись на зеленом газоне.

Конечно, моя девочка там была. Уже с кожей оливкового цвета, в красном купальнике с завязками лежала на животе и явно залипала в какую-то книжку. Услышала какой-то кипиш, повернулась в нашу сторону, приспустила очки и пробежалась взглядом по тем, кто нарушает их спокойствие. На мне остановилась подольше. Я готов был поклясться, что дольше, чем на остальных. Но быстро отвернулась, типа ей неинтересно. Сердце пропустило удар, а потом забилося чаще.

Как заведенный рассматривал ее тело, ну то, что можно было увидеть, естественно. Например, попку. Красивую, округлую и манящую. Твою ж мать. Не-не-не, пошло оно все. Я потряс головой, пытаюсь избавиться от морока и пошел с парнями обратно на территорию другой дачи.

Честно говоря, у меня упало настроение, захотелось уехать. Но пацанов бросать и подводить тоже было не айс. Плюс был договор, что девчонки отдыхают сами по себе, и мы тоже. Меня это устраивало.

Как бы, блять, не так.

Мы с пацанами перекусили и пошли на озеро. Как оказалось, девчонки тоже. С нами были еще три парня: два приятеля Саши (тоже наш друг) из универа и один — Севы. В наш костяк эти ребята не входили, так зависали вместе периодически.

Девчонки раздевались до купальников: кто-то снимал шорты, кто-то какие-то там накидки. У Наташи было сверху льняное платье. И конечно, я за процессом его снятия следил. В прямом смысле затаил дыхание. Лучшая фигурка, что я встречал. Наверное, был очень субъективен, ну и похер. Я видел фотки с моря, но там не все было очевидно. Зато сейчас мог рассмотреть в деталях. Красивые стройные ножки, та самая круглая попка, на одной из ягод я заметил милую ямочку и чуть прям там не кончил в шорты. Плоский живот и хорошая упругая и стоячая грудь. Полноценная двоечка, наверное, даже стремящаяся к тройке. Слава господу, я был в очках. Иначе все мои зрительные манипуляции были бы раскрыты.

Ещё успел заметить плотоядный взгляд друга Севы — Камиля. Меня это взбесило, естественно. Он прям ее фигурку глазами пожирал. Ему что тут девок мало, что он именно ее заприметил? Внутри все закипело, кулаки сжались сами собой.

Мне надо было остыть. Срочно. И от пожара в штанах, и от злости на этого долбаного Камиля.

Поэтому я с разбегу прыгнул в озеро.

Вода обожгла холодом, но помогла слабо. Когда немного успокоился и вернулся, наблюдал картину похуже. Камиль открыто уже катил яйца к Натали.

— Пошли купаться, девчонки, — он типа говорил всем, а смотрел вот ровно на нее.

Девчонки его проигнорили. Но этот придурочный не унимался. Сел на корточки прямо напротив Наташи (представляю, блять, какой у нее вид там открылся, ровно его пах).

— Красотка в красном, пошли плавать, я тебя покатаю.

Страшно, блять, представить, на чем. Наташа подала голос, очень раздраженный, надо признать.

— Слушай, ты..

— Я Камиль, — сказал он ей, подмигнув.

Она закатила глаза и продолжила:

— Камиль, отстань, а? Вы отдельно, мы отдельно. Хочешь плавать — флаг в руки. А ко мне лезть не нужно.

— У-у-у, ты тут самая дерзкая? Или просто плавать не умеешь. Так я тебя научу, не дрейфь.

Хоть бы спросил для начала, как девушку зовут, Ромео недоделанный.

Тут уж Юлька хохотнула.

— Она бывший КМС по плаванию, придурок, скорее тебя научит. Или утопит.

Камиль еще посидел, посопел около нее, но через стену игнора пробиться не смог и вернулся к нам.

Я был удовлетворен. Даже злорадство какое-то почувствовал. Но счастье или спокойствие длилось недолго.

Когда Наташа встала, чтобы отдать Юльке крем, на нее враз налетел Камиль. И перебросил через плечо, вцепившись в ягодицы. Явно собирался утащить ее в озеро. У меня перед глазами все потемнело. Но моя девочка заверещала и начала лягаться. В итоге Камиль споткнулся и чуть не повалил ее на песок.

Я вовремя подоспел и подтянул ее, не дав упасть. Прижал к себе разгоряченное на солнце тело за талию и оттолкнул этого придурочного. Наташа была горячеей, нежной, пахла солнцем и какой-то сладостью. Захотелось утащить её в домик и разложить на столе там же. Ну и чем я лучше Камиля, спрашивается?! На несколько секунд даже выпал из реальности.

— Руки от нее убрал. Ты, блять, чего такой непонятливый оказался? — мой голос был хриплым от злости.

— А ты чего лезешь, куда не просят? — начал раздражаться парень в ответ.

— Потому что ты нихера русского языка не понимаешь.

Наташа аккуратно начала от меня отстраняться, снимая мою руку со своей талии. Ну не оттолкнула хотя бы — и на том спасибо. Я полыхал от злости и хотел вдарить этому недоумку. Адреналин гулял по крови, сердце колотилось где-то в горле.

Конфликт мы, конечно, порешали, но осадочек остался. Нахер бы шли такие тупые приятели Севы. В итоге Камиль свалил после шашлыка и с ночевкой не остался.

В первом часу ночи Сашке позвонила Пуртова. Сказала, что прямо у двери дачного домика собралась свора собак, а они все там хотят в туалет и не могут выйти. Туалет дачный у Юльки был хороший, оборудованный, но находился на улице.

Пошли с фонариками отгонять собак, чтобы девчонки могли спокойно пописать и ложиться спать.

Я привалился к забору с фонариком и ждал, пока все девчонки вернутся в домик. Не заметил, как ко мне подошла Наташка.

Сама!

— Как дела, Мирослав? — просто спросила она.

Я уставился на нее и посветил фонариком прямо в лицо. Она хлопнула меня по руке.

— Наверное, будет апокалипсис, — проигнорировав её вопрос, протянул я.

— Почему?

— Потому что сама Наташа Иволгина интересуется у меня лично, как дела, а не посылает, например, на хер.

Она цокнула и, наверное, закатила глаза, я просто не видел в темноте. Потом развернулась к домику и проговорила:

— И у меня все хорошо, спасибо, что спросил.

Догнал ее со смехом и развернул к себе за руку.

— Я ж пошутил, Наташ.

— А я прямо сейчас посылаю тебя нахер, Мир.

Выдернула руку и свалила. Я смотрел, как она уходит, и чувствовал одновременно дурацкую улыбку на лице и разочарование. Блин, и вот надо было мне все испоганить.

Кстати, интересный факт: я терпеть не мог и не могу, когда меня называют Миром. Только Мирный, Мирыч, Мирослав, либо что-то с фамилией. И конечно же, моя девочка и тут стала исключением, потому что ей было можно. И от нее такое обращение мне нравилось. Звучало как-то по-своему интимно что ли.

После этой поездки на дачу мы с ней так и не вернулись к общению ровно до ноября.

Потому что, на самом деле, френдзонным страдальцем в нашей компании я был не один. Вот Леха, например, с первого класса сох по однокласснице Маринке. А она ни в какую. И спустя такое огромное количество лет они всё-таки сошлись. До этого переставали общаться, Маринка даже в Москву уезжала. Но потом вернулась — и у них все завертелось. В итоге начали встречаться. Леха счастлив был до жопы, Маринка, кажется, тоже.

Я тогда написал Наташке полнейшую тупость по типу: «*Да, я у тебя во френдзоне, но может перестим и закроем гештальт?*». Сам не знал, угораю я или пишу это серьезно. Не уверен, что секс с ней решил бы проблему. Скорее бы усугубил. Мне бы точно захотелось еще. В итоге она это вывернула в шутку по типу того, что она любит жестко и я ее не потяну.

Мы слегка поугорали и снова начали переписываться. И история с незакрытым гештальтом стала какой-то новой фишкой с моей стороны в нашем общении: периодически возвращался к этой теме, а Натали просто отшучивалась, не более. Я кажется, сделал пару попыток куда-то ее позвать, но естественно, получил отказ. Виделся с ней за этот четвертый курс раза три, не более. У нас произошел в компании небольшой раскол, пара ребят отцепились. У Севы появились терки с Юлькой, это я только потом узнал, что все произошло на фоне ревности к тому, что у Пуртовой появился парень. И она перестала быть своей в доску.

Короче, не лучшие времена были в этом плане.

Да и в семье тоже: дед вообще отрезал меня от денег. Еще и пытался ограничить мое общение с братом. Я же старика только посылал и клал болт на его придурства и запреты. Потихоньку работал, рисовал сайты, потом пошел дальше, и деньги у меня водились в общем-то. Пару раз встречался с девчонками, но дальше месяца у нас ни с кем не выходило.

Наше с Натали общение снова начало сходиться на нет уже весной. Как-то само собой, не было никаких особых триггеров. Только мне казалось, что я ее чем-то бесил. На уровне ощущений каких-то.

Сообщения становились короче, а паузы длиннее.

Последний раз тогда она мне написала летом, мило поздравила с Днем Рождения. А я, как придурок, вглядывался в ее аву, где она обнималась с каким-то парнем.

Позже узнал от Юльки, что там снова какая-то прям любовь-морковь. Просто поинтересовался, как там Натали поживает, а подруга посмотрела на меня с таким сочувствием, что я аж взбесился. Говорила, что в этот раз все точно серьезно. Что там вообще чувак из органов, немного постарше, надежный, отец у него какой-то там главный. Я слушал и чувствовал, как внутри разрастается холодная пустота. Тогда мелькнула мысль: может быть, Натали деньги все-

гда и интересовали? А я просто не догонял. Не распространялся особо про деда, ведь фамилии у нас разные. Хотя Юлька стопудово ей наплела про то, чей я внук.

Так что хер знает.

На пятом курсе я уже работал, оформил в универе свободное посещение. А ещё внезапно появилась огромная возможность доучиться в Канаде и получить там работу. Я об этом никому, естественно, не рассказывал. Мало ли что. Если дед прознает, то мне из страны не выехать с его-то связями. Поэтому молчал в тряпочку.

Но внутри уже все бурлило от предвкушения свободы.

В декабре Юлька выходила замуж за своего Илью. Вот уж не думал, что она так рано станет чьей-то женой. Но любовь, как говорится, такая штука. Компашка наша еще больше поредела, отщепились Леха с Маринкой. Их на торжество не позвали. Севу, понятное дело, тоже. А вот я оказался в числе приглашенных.

В итоге в день свадьбы я был на конференции и обещал Юльке приехать к торту. Слово дал. Она смилостивилась и даже не стала на меня обижаться. Понимал, что встречу там Наташку с ее плюс один. Не знал уже, как к этому относиться. Казалось, что когда я увижу все это вживую, меня, скорее всего, вывернет. Еще и Севка, как маленький, обиделся на меня за то, что я принял приглашение от Юльки. Мы даже посрались на этой почве.

В итоге я приехал на торжество, конечно, сразу, как вернулся в Новосиб. Юлька мне была дороже моей возможной ревности. Пришел уже к моменту продажи первого куска торта. И оказалось, что я сажу за столом ровно с Наташкой.

Которая была там одна. Без хахаля.

Красивая, как никогда раньше, пожалуй. В нежно-розовом платье с глубоким декольте и рукавами-воланчиками. Шикарными длиннющими волосами, в туфлях на умопомрачительных каблуках. Просто прелесть. Кажется, я засмотрелся на нее, и это было достаточно очевидно всему нашему столику. Просто не мог отвести взгляд.

В горле пересохло, в груди защемило.

Я опять поплыл и автоматом начал на что-то надеяться. Как и всегда. Не изменяя традициям. Сидел, смотрел на нее и думал: *«Ну вот же она. Рядом. Снова. Может, в этот раз?»*. Идиот.

Глава 4

Мирослав

Получалось, что за столиком с нами сидели пара других подружек Юльки, мой знакомый и еще какие-то два парня, один с девушкой, а другой явно свободен. Не очень понял принцип рассадки гостей, но, собственно, это вообще не мое дело.

Реально давно Натали не видел вживую. Ну и такую красивую вообще не ни разу не наблюдал. Хотя, пожалуй, тут неправильно выразился: красивая она была всегда. Просто добавились макияж, прическа, платье, каблуки. Я на каблуках вообще ее впервые увидел, она, кажется, такое в жизни не носила. А тут... сразу вот так.

Я не понимал, специально Юлька устроила мне такое место за столом или как. Но чуяла моя жопа, что в этом был какой-то тайный умысел, просто не мог это доказать.

Вообще я со всеми за столом быстро поздоровался, а до этого и к молодоженам успел подойти. Но Натали приветствовал отдельно.

Конечно же.

— Привет, — улыбнулся я мягко.

— Вроде как здоровались.

— Давно не виделись, Наташ.

Она как-то пожала плечами и улыбнулась. Мне показалось, что немного грустно.

Начался очередной перерыв на танцы, наш столик весь разошелся, но Натали осталась сидеть. Я, конечно, не тешил себя надеждами, что из-за меня. И правильно.

— Ты сегодня вне танцевальных активностей?

— Я натерла ноги, — она скривилась и посмотрела на свои туфли. — А босиком тоже больновато. Короче, танцы на стопе. Тут бы как-нибудь встать вообще, — потом посмотрела на меня и добавила. — Давно прилетел?

Значит, в курсе, где я был, скорее всего. Понятно, что Юлька доложила. Интересно, она вообще следила за моими перемещениями или просто так, краем уха услышала?

— Нет, из аэропорта сразу сюда. Устал, честно говоря, жутко, но было бы крамольно не прийти. Юлька бы меня четвертовала.

— Это верно, — она чуть улыбнулась, но это было так тепло, что я опешил.

— Как жизнь молодая, Наташ? — не выдержал я. В груди уже все зудело от желания узнать хоть что-то.

— Нормально, — снова это пожатие плечами и странная полуулыбка. Вообще никак не затрагивающая глаза. Очень искусственно. Меня это кольнуло.

— Ммм... многословно, — я усмехнулся и решил рискнуть. — Замуж не собираешься?

Ну не мог не спросить, и кто мне что за это сделает?!

Натали прищурилась, глянула на меня с хитрецей, но ответила:

— Собираюсь.

Бля-я-я-я. Лучше бы не спрашивал, вот честно. Я башкой понимал, что ну меня по факту это же не касается. Но все равно укол боли испытал.

Знатный такой.

Откашлился и продолжил самоистязание. Потому что я мазохист, видимо.

— Когда?

— Летом.

В груди все сжалось. Даже дыхание затаил. А она смотрела на меня, и в глазах плясали чертики.

— Ну, не удивлен, не удивлен... странно, что тебя еще раньше не увели под венец, — проговорил на автомате, а сам думал: «Твою мать, Мирослав, заткнись».

— Только пока не знаю, каким летом... и за кого, но в целом собираюсь, — уже откровенно надо мной угорала.

Фу-у-у-х. Вот это облегчение, огромное! Мне прямо физически лучше стало. Напугала, блин.

— Шутница какая...

— У тебя просто было такое лицо, — она искренне смеялась, прикрывая рот ладошкой. Глаза блестели, щеки чуть порозовели.

Красивая, черт.

Блин. Мы же общаемся. Нормально. Сразу. Без ужимок, сарказма, иронии и вредности. Вот что не так и вот что необычно. Я как-то сразу не уловил, потому что обычно к Наташке еще через стену иронии надо пробиться. А тут всё как-то слишком просто, по-дружески.

Интересно...

— Ну а серьезно, Наташ. Скоро выпуск. Какие планы?

— Да какие там планы... — она вздохнула и откинулась на спинку стула. — Пока с ремонтом в квартире надо разобраться...

— Ого, ты теперь девушка с недвижимкой? Завидная невеста?

— Типа того, родители подсобили.

Это круто, подумал про себя. Мне от деда даже что-то типа кукиша с маслом не обломится. Хорошо, когда у человека все в порядке в семье. Завидую по-белому.

— А с работой как? Решила?

— Я уже работаю, — она снова пожала плечами.

Этот жест у нее, кажется, любимый.

— Круто, Наташ, ты умничка...

Она просто улыбнулась, немного смутилась, опустила глаза, а ресницы отбросили тень на щеки.

Черт, все сегодня правда иначе.

— Ну ты и сам молодец. Тоже работаешь, на конфы вон катаешься, что-то строишь, — взглянула очень мягко мне прямо в глаза.

— У нас с тобой что-то типа обмена взаимными любезностями? — хмыкнул я.

— Наверное, — она снова засмеялась.

На какое-то время мы замолчали. Она рассматривала ткань своего платья, пальцами гладила оборку, а я завис на девушке. На линии скул, изгибе шеи, на том, как прядь волос упала на плечо. Сейчас я мог бы все испортить, но понимал, что умру, если не узнаю. Про замужество она отшутилась, но я должен знать. Просто должен. Скорее всего, нарушу наше шаткое, аккуратное и приятно начавшееся взаимодействие...

— Свободна или с кем-то встречаешься? — наклонился, пытаюсь поймать ее взгляд.

Вижу, как она чуть-чуть порозовела. А пальчики застыли на оборке платья. Ждал ответа по типу: «не твое дело» или «о личной жизни не распространяюсь» или что-то просто утвердительное...

— Свободна, — очень тихо проговорила она, почти прошептала, и в глаза мне так и не решилась взглянуть.

Сглотнул. В горле пересохло.

— Я думал..., то есть слышал...

— Всё имеет свойство заканчиваться, давай не будем развивать эту тему. Не хочу, — быстро произнесла девушка.

Я, в целом, парень понятливый.

— Как скажешь, прости, что спросил.

— Да всё окей, — наконец она бегло мазнула по мне взглядом. И этим нехило так размала уже меня.

Мы еще много общались, нормально, адекватно, интересно. Как раньше это происходило по большей части в переписке, но сейчас работало и в жизни. Я готов был бабло поставить, что мы как будто флиртовали даже. И эта история не только с моей стороны. С какой-то долей ужаса понимал, что праздник подходил к концу. Гости начали собираться, кто-то уже вызывал такси. И я боялся, что, как в сказке Андерсена, после полуночи чары рассеются и наше общение снова превратится в тыкву. Мне хотелось продлить момент. И чувствовал, что ей как будто бы тоже.

Заведомо ожидая отказа, предложил Натали прямо сейчас рвануть покататься на ватрушках (идиотизменнее не придумаешь, конечно!), но она, о боги, согласилась! Только сказала, что нужно будет доехать до ее хаты переодеться и переобуться. Да хоть на край света, твою мать. Помню, что пошутил что-то про гештальт.

И блять, вот надо было ее подружке все испортить. Леной, вроде, эту девчонку звали. Напилась вхламину, в общагу ее бы уже не пустили, парень у нее в области жил, а переночевать где-то надо. Юлька попросила Натали проследить за ней. И понятно, что моя девочка не смогла отказать.

Все рушилось, так и не успев начаться. Планы шли по одному месту. Я стоял, смотрел, как Наташа пыталась удержать шатающуюся подругу, и ощущал, как внутри разрасталось глухое раздражение на весь мир.

На прощание, когда помогал Натали запихать пьянущую подругу в такси, осторожно обнял девушку, а она даже не отстранилась. Что тоже не очень стандартно, я бы сказал. Она пахла вином, духами и чем-то родным, что я не мог описать. Прошептал ей на ушко, что напишу, почувствовал по колебанию воздуха, что она кивнула. Уже не видел берегов и позволил себе наглость поцеловать ее в щеку. И тут Натали даже не пикнула, не отстранилась. Разве что снова немного смутилась и аккуратно провела ладошкой по моему предплечью.

Вообще надо бы поговорить с Юлькой. Мне, кажется, была необходима ее консультация. Потому что я, конечно, дебил и всегда по отношению к Натали страдал несбыточными надеждами. Но блин... В этот раз не так. Это просто ощущалось иначе.

Юлька по итогу советовала мне просто не быть придурком, как раньше. А я, вроде, и не был вообще-то, о чем Пуртовой сообщил, она в ответ лишь скептически на меня глянула. Но я Юльку знал: если там не было бы никакой надежды, она бы дала понять.

А с Натали мы возобновили общение. Плохо было только то, что и я, и Натали работали. И нам никак не удавалось встретиться. То у нее было много работы, то у меня. То она уезжала с родителями к каким-то там родственникам, то мне надо было в посольстве решать вопросы с визой.

Короче, это треш.

Успокаивало то, что в этот раз она меня не динамила, просто обстоятельства реально складывались против. Задумался, что буду делать с Канадой, если у нас с Натали всё-таки что-то получится. Потому что факт моего почти решенного переезда я как раз с ней не обсуждал. И понятное дело, что был бы до жопы счастлив, если бы мы с ней рванули в другую страну вместе.

Но меня, конечно, заносило. Куда там... Мы и в отношениях не состояли ещё, только в какой-то там, возможно, надуманной мной, перспективе. А я, как девка четырнадцатилетняя, планы строил про совместную жизнь и чуть ли не свадебные колокола... придурок, блин.

Наконец-то мы с моей зазной договорились о встрече. Не так! Именно о свидании. Прямым текстом. Аллилуйя, ёпта. Всего-то четыре с лишним года потребовалось. Собирались в кино, потом договорились где-нибудь посидеть. И, вроде как, завалиться к ней и смотреть сериал, который я ей посоветовал, до утра. Это ли не намек на что-то катастрофически большее?

Я был счастлив, рад, ни с кем не хотел делиться этим. Это было только мое. То есть наше. Я слишком долго этого ждал. И если вдруг, например, этой ночью у нас что-то произошло бы,

велик риск того, что я ей сразу после, да что там! в процессе предложил бы выйти за меня замуж. Я вполне мог бы, зная себя.

Тоже нужно понимать, что я, на самом деле, не ожидал от этого вечера-ночи секса или чего-то подобного. Нет. Суть была не в этом. Просто меня несло, мысли скакали и кажется, их уже было не остановить.

Мои планы чуточку нарушила Алинка Вяземцева. Которую я встретил всю заплаканную у себя на районе. Сидела на лавочке, тряслась, глаза были красные. Не смог пройти мимо, потому что я ж не урод последний. Оказалось, что ее мать уехала на вахту, а брат-нарик последний выпихнул ее из дома и еще ввалил. Она не знала, куда податься, мать встала на сторону ее брата как всегда: говорила, что в двадцать-то лет могла бы девчонка съехать и жить самостоятельно. И неважно, что ее брату двадцать пять и мать его полностью обеспечивала. Вот такая несправедливость.

Я, блять, либо долбаный джентльмен, либо последний уебан, потому что предложил перекачаться у себя, а потом решить вопрос с какой-нибудь гостишкой на время или еще что-то придумать. У нее не было ни вещей, ни телефона. Все оставила в квартире, когда брат ее гнал. С этим тоже надо было помочь.

Просто блин, не в этот день. У меня же, черт возьми, почти судьба решалась. Натали мне была важнее, я не мог проебать ее в этот раз. Ощущал это каждой клеточкой.

Алинка за мной хвостиком бегала, благодарила, но я ее осадил достаточно резко. Типа помог по доброте душевной, не надумывай, у меня имеется девушка. Заметил, что Вяземцева стусевалась, даже обиделась, но я был честен. Помочь — окей, ребят готов был подтянуть, чтобы помогли ей вещи какие-то из дома забрать или брата припугнули, хотя там это особо не работало. Но не более. Вроде девчонка покивала, согласилась, вела себя тихо.

Периодически писал Наташке, но она кажется была занята и пока не отвечала. Переживать начал, когда до встречи оставался час, но она и сообщения как будто не читала, и на звонки не отвечала мои.

Что за черт, блять!

До меня только минут через сорок доперло, что я оказался в блоке, в ЧС. С ее стороны. Как так? В чем дело? Понимал, что нихера так и не знал адрес ее новой квартиры, только район...

Что я сделал? С утра же все нормально было...

Позвонил Юльке, осторожно закинул удочку, типа не собратся ли нам сегодня вечером. Ей с мужем, мне, нашим друзьям, кто смог бы, Наташку бы позвали... Специально не говорил, что мы с Натали договаривались встретиться, что я внезапно оказался в ЧС... хочу услышать реакцию неподдельную.

— Блин, Мирный, так и сказал бы, что Иволгину выцепить хочешь, — произнесла подруга.

А... то есть Натали ничем с ней не делилась. Интересно.

— Ну есть такое, — говорю я.

— У вас же после моей свадьбы дальше и не пошло... Слушай, она вообще-то со своим бывшим сошлась. Он ее из универа буквально на днях забирал, цветы привозил. И в последнее время она была какая-то веселая и воодушевленная.

— Ммм, — издал что-то нечленораздельное, потому что буквально если бы открыл рот, меня нахрен бы вывернуло.

— Мирный, ты в порядке? Давайте на выходных встретимся, сегодня как-то уже поздно всех собирать.

— Брось, Юль, конечно я в норме. Да, лучше тогда в общей группе клич кину.

— Ага! Ой, а слышал, что у Вяземцевой там така-а-ая ситуация?

— Да, я в курсе, девчонка у меня, — выдохнул, потому что мы перевели тему.

Но внутри все горело огнем.

— Черт, к себе ты ее нафига притащил, надежды ей пустые даешь.

— Может, и не пустые, — ответил я, по-моему, себе назло. Сам не знал, зачем это ска-
знул.

Не знал, куда себя деть. Не понимал, чем всё это заслужил. Просто Иволгина кинула меня в ЧС без объяснений. Ни за что. Хотя стоп, как это. За то, что я не ее бывший. Я был каким-то проходным вариантом? Потенциальным перевалочным пунктом или что? Она же еще тогда на свадьбе была грустная, когда я спрашивал ее про отношения, видимо страдала по бывшему. А я удачно попался.

Пиздец, просто пиздец. Как так можно? Лучше бы она меня на хер послала, чем вот так...

В тот же момент принял решение, что больше никогда в жизни с ней не заговорю, не унижусь.

Кстати, по итогу реально узнал, что она сошлась с бывшим. К тому моменту я тоже уже состоял в отношениях. С Алинкой.

Ну а что? С хера ли я должен был страдать? Меня вон любили, ценили, не отталкивали, в блок не пихали. Смотрели почти благоговейно. С такими девочками и надо строить будущее, а не с суками последними.

Чем я далее и занялся. Потому что Алинка в Канаду со мной поехала, ей даже виза не нужна была: она ее себе делала по программе ворк энд тревел и полгода документ еще действовал. Идеальное попадание.

Я отчасти поступил как последний гондон по отношению к брату, к матери (хотя ей после смерти отца не особо было до меня дело), к друзьям (потому что они узнали о моем отъезде по факту и, конечно, расценили это как предательство). Деда в этом списке даже не существовало. Терпеть его не мог. А брат бы понял... может, позже, но точно понял. Хоть иногда я должен был выбирать себя. Думал, что попытаюсь Санька забрать к себе, но вряд ли дед позволил бы. Три года Сашке точно бы пришлось на родине перекапываться. А потом я бы его забрал.

Что было дальше?

Я совершу еще пару говеных дел, которые не просто отдалят меня от компании, а разорвут отношения вклучья. Особенно с Юлькой. Но это уже другая история. Узнаю, естественно, что Натали вышла замуж за этого своего бывшего-настоящего. И никуя не почувствую по этому поводу. Срать вообще. Буду неплохо жить, увижу, как Алинка превращается в последнюю дрянь, начну бизнес, возобновлю общение с братом, попутешествую по Америке. А потом погибнет дед, и я вернусь в Россию, чтобы увезти брата с собой. Абсолютно не подозревая, что еще через полгода мы с ним уже вдвоем вернемся в Новосиб, будем жить на два города — мелкий Бердск и миллионник-Новосибирск, я окончательно расстанусь с Алинкой. И стану CEO большой компании.

Хах, и вот мы здесь.

Глава 5

Мирослав

Вот какая-то такая получилась история...

Кстати, считаю полезным иногда возвращаться в прошлое и здраво его оценивать. А то настигают там всякие экзистенциальные кризисы по поводу того, что вот мне двадцать семь, а я одинок, бездетен и далее по списку. Младший брат вон добился девушки своей мечты, при том, что это казалось невозможным вообще. А у меня ни хрена не вышло... Только вот есть огромная разница между Ярославой (невестой Санька) и Натали.

Ярослава не сука.

Понимаю, что мое когда-то давно брошенное высказывание о том, что с Натали я больше не заговорю, уже не так актуально. Не, если что, она не перестала быть для меня сукой, но себе в удовольствии пообщаться с ней и просто посмотреть в эти лживые глазки я не откажу.

Испытываю, конечно, легкий мандраж перед собесом. Но как будто бы это нормально. Когда HR-менеджер заводит ее в переговорку, где уже сижу я, у меня слегка перехватывает дыхание. Одновременно ощущаю злобу. На себя. За такую тупую реакцию. Быстро возвращаю самообладание и дарю этой сучке самый пренебрежительный взгляд, на который способен, по типу *«добро пожаловать, куколка, ожидала меня увидеть или в ахуе пребываешь?»*.

Ну то, что она, как назло, блять, шикарная, говорить не стоит?! На ней льняной и совсем легкий неформальный костюмчик, под пиджаком простая белая облегающая майка. С приличным вырезом без какого-либо перебора, но уж красивый женский бюст оценить я могу. На ногах белые кеды, а чуть укороченные штанишки позволяют наблюдать изящные щиколотки. Длинные волнистые волосы частично заколоты сзади, и прядки немного обрамляют лицо.

Которое она пытается держать.

Потому что Иволгина меня видит и узнает. С огромным неприкрытым удовлетворением наблюдаю, как расширяются ее зрачки, приоткрывается ротик и она на секунду стопорится. Внутри разливается какое-то извращенное удовольствие.

— Все нормально, Наташа? — интересуется у нее наш менеджер по персоналу.

— Да-да, — произносит та слегка дрожащим голосом.

— Ага, я тебя заранее предупредила, что на собеседовании будет присутствовать наш CEO, но он не по твою душу, а по мою, смотрит, как работает отдел найма. Тебе не о чем переживать. Это Мирослав Горин, у нас принято ко всем обращаться на «ты» вне зависимости от занимаемой должности, это политика нашей компании. Такой формат обращения тебя не смутит?

Девушка из прошлого по-прежнему сверлит меня своими карими глазами, взгляд не отводит. Отвечает с небольшой задержкой, но уверенно.

— Нет, не смутит. Тем более с Мирославом мы знакомы. — Тут она уже улыбается менеджеру по персоналу.

Очень фальшиво, надо сказать.

Вижу, как Соня тушует и, кажется, на секунду даже подвисает. Я сам не ожидал такой откровенности, честно признаюсь. Думал, Натали будет либо делать вид, что мы не знакомы, либо просто развернется и уйдет.

Сразу.

— Э-э-э, хорошо, — кажется, Соне никакая реакция больше в голову не приходит. — Тогда начнем собеседование? — тут она уже как будто у меня спрашивает разрешение.

Ну, повеселимся.

— Начнем, Сонь. Рад тебя видеть, Наташа.

Вижу, как расширяются крылья носа девушки, но никак более свою неприязнь ко мне она не выдает. Однако это чувство здесь, оно почти осязаемо, лежит на поверхности. Даже Соня его чувствует, готов поспорить. Наташа садится напротив, принимает расслабленную позу и смотрит с легким вызовом. Менеджер по персоналу присаживается рядом. Это вот ей бы не помешало расслабиться.

Моя девочка, сидящая напротив, кладет руку на подлокотник кресла, и я замечаю деталь. Важную, на мой взгляд.

Обручального кольца на ней нет...

Занятно.

Вообще не отрываясь смотрю на девушку. Прямо хочу ее смутить. За этим я сюда и пришел, ведь верно? Впиваюсь взглядом, изучаю каждую черточку, каждое движение. Натали на меня не смотрит. Полностью сосредоточена на менеджере по персоналу и на презентации о компании, которую та ей показывает. Куколка делает вид, что меня вообще не существует. Соня что-то там вещает о кейсе на втором этапе собеседования и дальнейшей встрече с самим руководителем отдела по факту выполненного задания. Тут у нас ещё достаточно интересная ситуация: Соня сама бывший юрист, который полностью решил сменить сферу деятельности, поэтому на текущем этапе руководитель юридического отдела не особо нужен.

Слышу как будто в отдалении, что Наташа задает какие-то вопросы, кажется, больше из вежливости. Потому что мне знаком этот тон: *«мне это всё до одного места, я просто вежливая»*. В нашей компании она работать не собирается точно, и только воспитание и имидж не позволяют ей встать и прямо сейчас свалить с собеса.

Всматриваюсь в ее лицо, тело (ну по крайней мере те части, что доступны моему глазу). Если говорить по общему впечатлению — то как будто та же, что и пять лет назад. Нихера она не изменилась. Разве что волосы стали чуть более кудрявыми. Губы такие же манящие, пухлые, пожалуй, только скулы чуть больше выдаются. Почти незаметно, но все же. И вообще даже за этим достаточно свободным костюмчиком очевидно, что фигурка слегка заострилась. Похудела девчонка немного. Я-то помню, что она была мягче, очень стройная, но все равно с охуенными бедрами, задницей как надо, и грудью тоже. Я же ее в купальнике видел и рассмотрел вообще всё.

Она и сейчас явно потрясающе выглядит под одеждой, но, блин, уверен, что точно похудела. Концентрируюсь на этой мысли. Не могу объяснить, почему, но меня это напрягает и задевает.

Тревожит.

Как и полоска от кольца на безымянном пальце ее правой руки. Если хорошо вглядываться, то заметить ее очертания можно. Чуть более светлая кожа...

Что же, Наташа Иволгина, у тебя такого случилось?!

Откашливаюсь, чтобы обе девушки, находящиеся со мной в кабинете, обратили на меня внимание. Правда, вот на Соню мне фиолетово.

— Наташа, ты долгое время работала в Екатеринбурге в достаточно крупной фирме...

Наблюдаю, как куколка напрягается и чуть хмурит брови. Потому что, видите ли, я к ней обратился. Соня тоже, кажется, не понимает, чего это я участие решил принять, но тактично молчит.

Наши с моей девочкой глаза встречаются, хотя, наверное, уже странно ее так называть, но это как будто давняя привычка, с которой я мало что могу поделать. И я ловлю *это* чувство. Что-то типа прихода, как раньше, но в другом ключе. Меня торкает, но теперь я отлично понимаю, почему. Это вопрос физики. Химии.

Я её хочу... трахнуть. Закрывать гештальт.

И если кому-то думается, что этим я прикрываю какие-то там романтические чувства прошлого, то нихрена подобного.

Фу-у-ух, даже хорошо становится, потому что эта девчонка больше не имеет надо мной власти. А доступ к телу получить — не проблема.

Делаю небольшую паузу, а Натали просто легонько кивает головой, типа чтобы я продолжал говорить. Взгляд у неё холодный, выжидающий.

— Что же тебя сподвигло оттуда уйти, могу узнать?

Ну, кстати, нормальный вопрос, не проблемный, ни на что особо не намекающий...

— М-м-м, сподвиг меня оттуда уйти переезд.

Кратко. Насколько возможно. Нет, я хочу хлеба и зрелищ, Наташенька.

То есть подробностей.

— Хорошо, но насколько я видел по резюме, у тебя же была удаленка, то есть ты работала из дома, поэтому кажется, что переезд бы особо роли не сыграл, — говорю я, мило и неискренне улыбаясь.

— Ты прав, Мирослав, — она делает акцент на моем полном имени. И в целом моему мозгу, хотя кого я обманываю, моему члену, нравится, как это звучит. Мне хотелось бы, чтобы она ровно эту фразу повторяла, стоя передо мной на коленях голая.

Фак.

— Удаленка была достаточно длительный период времени в компании, но руководство приняло решение потихоньку выводить всех в офис в прошлом году. И буквально месяц назад гибридный график стал обязательным. Это невозможно с учетом того, что я живу теперь здесь, а не в Екатеринбурге.

Ясно-понятно. Интересный момент, что она не говорит «*Мы живем здесь*», но тут вряд ли это особо что-то значит. Или ошибаюсь? Всё-таки фиксирую этот момент в уме.

Меня уже не унять, поэтому иду вразнос.

— Наташа, насколько я знаю, у твоей подруги в Новосибе есть собственная юридическая фирма. Достаточно успешная, так почему же ты не захотела строить карьеру там, а пришла сюда?

Боковым зрением вижу, как у Сони брови взлетают буквально к потолку. Она переводит взгляд с меня на Иволгину и обратно, явно не понимая, что происходит, может, думает, что это стресс-тест такой.

— Я не понимаю, на что нацелен твой вопрос, Мирослав, — тон Натали становится максимально холодным.

У-у-ух, если бы рядом лежал градусник, то точно треснул бы.

— Ну мне кажется странным, что, имея такие связи, ты не пошла работать туда сразу. Или Юля так мало платит?

— Мирослав, кхм... послушай... — это уже Соня пытается вклиниться и урегулировать ситуацию, но я ее игнорирую.

— А мне кажется странным, что на собеседовании в компанию задаются вопросы, которые никак не связаны с работой, — парирует Наташа.

— Мы предпочитаем убеждаться в надежности будущих сотрудников. Где гарантия, что через месяц ты не решишь перебежать к подруге?

— Даже если и так, то компания от этого ничего не потеряет. Странно, что у тебя не сложивается представление о том, кто такой корпоративный юрист и юрист в частной практике.

О-о-о-о, она хороша. Всегда умела поставить на место. Злюсь и завожусь одновременно. Убойное сочетание.

— Так почему ты переехала то, Наташ? Жила бы себе не тужила в Екатеринбурге, но решила вернуться. Не пойму никак, что же повлияло?

Куколка встает, ее глаза метают молнии. Честно, хочется даже заплодировать. Только бедная Соня, кажется, в полубоморочном состоянии смотрит то на своего кандидата, то на меня.

— Ну ты же тоже жил и не тужил в Канаде, но почему-то снова здесь...

Моими же словами. Красотка.

— В любом случае, вынуждена остановить это собеседование, потому что оно движется непонятно в какое направление. Что-то по типу цирка. Соня, прости, что потратила *твое* время.

Иволгина быстро забирает вещи и движется к выходу из переговорки. Я же просто расслабленно сижу. Добился же своего: смутил и показал характер. Доволен? Ещё как!

— Наташа, прости, э-э-э, давай я тебя провожу, — спешно произносит нанимающий менеджер.

— Ой, не стоит, я запомнила, где выходить, поэтому всего доброго, — мило улыбается Соне. Та в ответ только вымученно кивает ей.

Когда дверь переговорки захлопывается, Соня переводит взгляд на меня, разводит руками и начинает неуверенно:

— Мирослав...

Только отмахиваюсь и тоже иду на выход. Теперь я из максимально адекватного босса трансформируюсь в самодура. Прелестно, да и сплетни пойдут. Вечно я башкой не думаю рядом с Иволгиной. Но это того стоило, конечно... Ладно, поболиают и забудут.

Кстати об Иволгиной.

Вылетаю в коридор и вижу ее удаляющуюся фигуру. Быстро догоняю мою Натали, хватаю за локоть и тяну в еще одну переговорку, находящуюся рядом, которая просто чудом оказывается свободной. Толкаю дверь, затаскиваю девчонку внутрь. Наступаю на нее, оттесняя к столу, а потом кладу руку на талию, ровно под пиджак. Чувствую тепло ее тела через тонкую ткань майки. Куколка пахнет чем-то знакомым, фруктово-сладким, и у меня на секунду едет крыша. Да-да, это физика: мое тело хочет ее тело.

В этот раз все максимально прозрачно.

Я медленно проговариваю, глядя ей прямо в глаза:

— Попалась, птичка...

Глава 6

Наташа

— Попалась, птичка, — произносит этот придурок, расположив свою лапищу у меня на талии.

Замираю. Горин смотрит на меня сверху вниз, а в глазах — сушая тьма. Чёртом был, им и остался. В ответный взгляд вкладываю всю злость и неприязнь, которые реально чувствую. Это, блин, не игра. Дышу часто, поверхностно, пульс на пределе, а сердце расположилось уже где-то горле. Дебильная реакция, я знаю, почти ненавижу себя за это. Потому что тут надо бить только равнодушием. Но у меня не выходит...

— Лапы убрал, — говорю тихо и с максимальной грубостью.

Он поднимает руки вверх, словно сдаётся, но и шага назад не делает. Еще и лыбится, гад. Скалится натурально.

Прибью Юльку, это уже запланированная акция у меня в голове. Ведь эта зараза точно знала, кому принадлежит компания, в которую я отправилась на собеседование. И ни слова мне не сказала. Подруга называется.

Мне даже в глаза смотреть Горину не хочется. Противно. Лютый дискомфорт испытываю. Блин, и почему я сегодня отдала дань плоской подошве. На каблуках могла бы выглядеть более устрашающе. Придурок всё такой же высокий. Что логично, блин, не вниз же ему расти. А я всё такая же условная полторашка (ну ладно, во мне метр шестьдесят, но сути это не меняет). Поэтому теперь он очень явно возвышается надо мной.

Кстати, смешно, что во всех смыслах: и по росту, и по положению...

— Для чего устраивала этот цирк, Наташ? — спрашивает он.

Я в ступоре смотрю на него. Большой? Нет, тот факт, что он придурочный, мне и так известен, но вот что оставшиеся извилины в мозгу у него явно раскрутились за пять лет — это что-то новенькое.

— Цирк? Клоун здесь только ты, Мир.

Вижу, как он сдвигает брови и проводит языком по своим губам. Выходит как-то пошло, и мне это не нравится... Смущает, напрягает, бесит даже, я бы сказала.

— Не заливай вот только, что не знала, в чью компанию идешь на собеседование. Ты ведь почти наверняка общаешься с Юлькой, а она отлично обо всем осведомлена.

Молчу. Во-первых, я правда не знала. И подружке за это, естественно, ещё аукнется, как я уже и помыслила в своей голове. В ближайшие часы буквально. Во-вторых, я не обязана сейчас оправдываться. Вот уж не перед этим человеком точно. Поэтому просто игнорирую Горина и собираюсь выйти. Но он смеется за мной в моменте и не дает пройти.

Козлина.

— Будешь удерживать меня здесь силой, Горин?

— Я бы применил к тебе силу в другом месте и только в обоюдное удовольствие, но можем, в целом, и здесь, — Мирослав демонстративно оглядывается. — В переговорах отличная шумоизоляция.

Двадцать семь лет, а ума так и не прибавилось. В груди закипает злость. Горячая и непривычная. Просто потому что во мне уже давно всё выжжено внутри.

— Хорошо, — бросаю взгляд на часы на своей руке, — У меня ещё есть время, постоим, пока тебе не надоест или сюда не зайдут твои сотрудники.

Горин всматривается в мое лицо, а я старательно отвожу взгляд. Мне настолько непривычно его видеть, удерживать взгляд, утягивающий в черную бездну. Эти темные, глубокие глаза с какими-то золотистыми крапинками. Горин всегда меня ими смущал. А сейчас и подавно. Только теперь мне в целом неприятно смотреть на него и находиться рядом.

— Погоди, то есть ты хочешь сказать, что реально не знала... Ну Юлька, ну хороша. — качает он головой и смеется. У него на щеках появляются ямочки, и он сразу выглядит моложе. На несколько лет. — Слушай, если тебе *так* нужна эта работа, только скажи, возьму без тестового задания, даже если юрист ты, на самом деле, хреновый. Это не проблема. По старой... м-м-м дружбе.

Без тестового задания. *Так* нужна работа... Да он вообще берегов не видит. Меня как будто помоями обливают. Баловень судьбы, блин. Решил, что я приползла к нему за подачкой. Серьезно?!

Отталкиваю его от себя подальше, прикладываю всю силу, которая имеется. Только вот Горин явно стал покрепче. Он и раньше был неплохо сложен, а щас прям вообще, каменный под моими ладонями.

— Да ты последний человек, у которого я соглашусь работать, Горин! — шиплю я. — Какого черта ты о себе возомнил? Мне, поверь, есть из чего выбирать по работе, я не бедствую и жить мне тоже есть где. Так что иди ты к черту!

Снова пытаюсь вырваться, но он тут же хватает меня за локоть. Ладонь горячая, обжигает даже через рукав пиджака.

— Ну-ну, осади, Наташ. Я не хотел задеть твой профессионализм. Просто вырвалось...

— Да не трогай ты меня! — уже почти кричу я, вырывая свою руку из его захвата. И меня несет. По-настоящему. Все, что копилось, рвется наружу. — Не пытался задеть профессионализм? Какого черта ты сам приперся на собес? Поглумиться? Ведь знал, что я там буду. Как ты вообще, блин, это себе представлял? Что я буду унижаться перед тобой и лебезить? Типа «*вот я знакома с Мирославом Горинным, и он снизошел до того, чтобы прособеседовать меня лично*»?

— Это нормальная практика, присутствие на собеседованиях, я имею в виду... — начинает он.

— Ха! — перебиваю. — Не заливай! С каких пор СЕО крупной компании собеседует ведущего специалиста в юридический отдел, не имея при этом даже профильного образования? Ты хотел либо, чтобы я поунижалась, либо сам стремился поиздеваться. По итогу перед своим же HR выставил себя полным неадекватом. Надеюсь, сплетни о тебе разнесутся неплохо по компании. Но давай я тебе сразу скажу, чтобы ты не страдал, а то вдруг спать не будешь. Я вернулась в Новосиб два месяца назад. До этого жила с родителями в Сочи почти девять месяцев. Они туда переехали несколько лет назад, отец получил повышение, теперь они с мамой наслаждаются жизнью на побережье. А год назад я развелась. И поэтому уехала из Екатеринбурга, что логично: меня там ничего больше не держит. Доволен? Получил, что хотел?

— То есть детей вы в браке не завели...

У меня, кажется, самопроизвольно открывается рот. От невероятной наглости. От того, что это просто невозможно. Неудивительно, что с ним практически никто из прошлой компании не общается. Куда там... Это ж даже не вопрос, это утверждение. Или вообще что? Сомнение в моих возможностях физиологических? Я просто не понимаю. В груди все кипит.

Потом он пожимает плечами, как будто что-то для себя решает, и произносит:

— Поужинаем сегодня?

Нет слов. У меня просто нет слов. Треш. Он нездоров. Совершенно точно болен.

— Ты совсем тронулся башкой, Горин? Я похожа на ту, кто куда-то с тобой пойдет в здравом уме?

Думаю, что он будет злиться, выживаться, язвить. Но он просто складывает руки на груди и как ни в чем не бывало продолжает:

— Можем обойтись и без ужина, я просто хотел быть джентльменом. Я тебя хочу, ты меня тоже. Поехали ко мне, а? Закроем гештальт.

Ах, вот оно что... Как типично. Вечная тема секса. Незакрытый гештальт, о котором Горин мне постоянно твердил в годы, когда мы еще общались. Я ему не давала, а дружочек к такому не привык. Что в целом его кто-то морозит. Но это же важнее: в деле о том, что он меня так и не трахнул, точка не была поставлена. И у мальчика настолько, видимо, от этого яйца сжимаются, что даже через пять лет его это коробит.

Ничего нового. Всё это я проходила. Хер с ним, с этим его мерзким предложением. Но неужели он думает, что после всего того, что тогда случилось, да и потом тоже... я вообще буду с ним нормально разговаривать? Хотя в сексе разговоры ему и не нужны, чего это я...

Стараюсь принять максимально жалостливое выражение лица и говорю, чтобы это звучало как насмешка:

— Я тебя хочу? У тебя плохо с глазками или с ушками, Горин? Потому что всё, что я к тебе чувствую — это если не уж отвращение, то неприязнь точно.

Наблюдаю, как его взгляд мрачнеет, и испытываю какое-то большое удовлетворение. Хорошо, что могу ещё кого-то задеть.

— Ты меня пять лет назад не интересовал, и сейчас, несмотря на то, что ты аж большой босс с баблом, не интересуешь тоже. Вот незадача, правда? Поищи кого-нибудь другого, кто раздвинет перед тобой ноги. Я по-прежнему не тот человек. Как ты там говорил? — делаю вид, что задумываюсь. — Надо в отношении меня закрыть гештальт? Ты и через десять лет его не закроешь, потому что и раньше был недалеким, а сейчас к отсутствию мозгов добавился тот факт, что ты настоящий гондон. И как же приятно, что это не только мое мнение, ты себе просто не представляешь.

Он молчит. Пышет яростью, грудь под худи вздымается, желваки на скулах ходят ходуном. Смотрю на реакцию и ощущаю одновременно и страх, и какое-то извращенное торжество.

Зато когда в этот раз я его отталкиваю, он поддается.

Глава 7

Мирослав

Я был так взбешен, что отменил все запланированные на сегодняшний день встречи. Чем, кстати, раньше почти не грешил. Но как всегда — появляется Иволгина, и мне сносит крышу. Капитально. Думал хоть раз она выключит свою сучью натуру со мной, не станет выеживаться, препираться, зазнаваться.

Ага, хер там плавал.

Сижу в кабинете один. За окном почти летний Новосибирск, уже зеленый, пыщущий красками. На рабочем ноуте бесконечная вереница оповещений, а на столе — очередной остывший кофе. Задрался уже, честно говоря, его делать: выпью два глотка, а потом забываюсь и ухожу в забытье тупых мыслей. Смотрю в одну точку на противоположной стене и понимаю, что уже примерно часа два просто сижу и ни черта не делаю. Не, на самом деле, вопрос не только во встрече с Иволгиной, я просто устал. Сильно. Подмывает свалить куда-нибудь за бугор и отдохнуть хотя бы дней пять, но пока, к сожалению, не могу себе такого позволить. Не, не так. Эвентум не может меня отпустить, крайне много рабочих вопросов.

А возвращаясь к теме Натали, почему-то усиленно не хочется мне признавать, что вообще-то всю эту сегодняшнюю поебень начал я, а девчонка лишь отвечала. Соответственно моим выпадам. Как-то казалось, что я имею право. Да и что с того, что я интересовался ее семейным положением? Понятное дело, что хочется знать, мы как-никак были знакомы, общались, пока она не поступила как последняя... стерва.

Че там ещё меня триггернуло? Не хочет меня? Ну-ну, а грудь на вдохах и выдохах в переговорке, когда я ее у стола поймал, ходила ходуном просто так. Да щас. Хотя в башку врывалась мысль, что Иволгина могла просто злиться, оттого и так реагировать, но я гнал её куда подальше.

Я толком не был в состоянии пояснить даже самому себе, зачем это устроил. Вправду ведь цирк получился. Не собирался я каверзные вопросы задавать! Планировал тихо посидеть, послушать. Наверное. Понаблюдать, в конце концов. Но меня просто взъебало следующее: и то, как Наташка выглядела, и то, как она на меня посмотрела. Потому что шок от встречи сменился в её глазах такой лютой неприязнью, что я, признаться, опешил. Как будто это я ей личную душевную травму нанес, а не она мне.

Да я от нее достаивался нормального отношения только в переписках. Ну ладно, пятый курс после свадьбы Юльки тоже можно засчитать за норму. Пока Натали не свалила в закат с любовью всей ее жизни, судя по всему. Это же за него она потом замуж вышла, правильно? Вроде бы, да. Что ж, вот вам и высокие чувства. Развод и девичья фамилия. Буквально. Хотя, может, она тоже своим арктическим холодом подзаебала муженька, вот они и разошлись. Кто ж там разберет.

Встаю, подхожу к окну. Упираюсь лбом в прохладное стекло, это дарит секундное облегчение моей гудящей голове. Внизу — вереницы машин, народ в курилке, никто не в курсах, что у большого босса, Мирослава Горина, сейчас в голове полный кавардак.

В сотый раз пытаюсь сосредоточиться, но никакая работа не идет, честно. В итоге просто сижу, кручу в пальцах ручку, залипаю в каналы в теге. Потом перехожу на рилсы.

Если что, я не планирую опять ввязываться в историю под названием «*добейся хотя бы улыбки царевны Несмеяны*». Это правда. У меня нет каких-то возвышенных целей. Хватит, пять лет периодически на что-то надеялся. Да я и не ощутил того душевного подъема при виде Иволгиной, как раньше. Знаете это чувство, когда внутри все замирает, в груди становится тепло просто от того, что определенный человек рядом? Раньше — оно у меня было. Каждый раз, когда я ее видел. А сегодня? Сегодня почувствовал... м-м-м, животное желание.

Чистое, грубое, нефилтрованное. К такому описанию только ещё слово «пенное» добавить надо, хмыкаю я самому себе. Короче, к чему это я? У меня определенно что-то поднялось, когда я Наташку увидел, но это был уж точно не душевный подъем.

Мне Натали хотелось, в физическом плане, чтобы дорваться уже наконец. Я ж поэтому и перерся за ней и в переговорку затащил. Что плохого в том, чтобы спустить пар? Обоим. Она завелась, я тоже. Секс — идеальный выход.

Нам надо переспать. Это сделает жизнь проще, позволит не заикливаться. Вот понятная аналогия: всё время хотеть попробовать какой-нибудь десерт, дорваться до него, а потом свободно выдохнуть. Тут ровно такая же фигня. И плевать, как девчонка ко мне относится. Мне не нужна любовь, все эти сопли.

Как это устроить только, ума не приложу. Просто потому что бегать за Наташкой мне опять не упало. Самое тупое, что у нас даже пересечений каких-то нет и быть, наверное, не может. Как раньше, в смысле. Потому что тогда нас связывала Юлька, а сейчас бывшая подруга меня терпеть не может есть за что, положила руку на сердце, тут уж скрывать не буду. Как и жалкие остатки нашей прошлой компании. Не в фаворе я у всех.

Почему, ну почему даже спустя пять лет Иволгина не может быть... ну.. покладистой? Не в плане, что ее можно было бы легко подмять под себя (хотя в этом и цель), а в плане просто приятной девчонкой. Как со всеми была, кроме меня, кажется. А уж как она тогда сдружилась с Юлькиным теперешним мужем, они вечно как брат и сестра были. В прямом плане, без подтекста, потому что Юлька у Ильи одна на всю жизнь. Такое сразу видно.

Вообще так глупо. У меня друзей особо и не осталось. С работы и партнеры близкие — это просто приятели, с ними всё толком не обсудишь. Можем сходить в спорт-бар, посидеть пиво попить, но в душу друг другу лезть — это не то. В универе я был слишком сосредоточен на своей школьной компании, так что среди одногруппников друзей не завел. В общем, да, не густо.

В итоге тупо просиживаю штаны в дебильных рассуждениях о бытие, пинаю балду до вечера. Забираю Соболеву (невесту брата), она ж в моей компании и работает. Правда, Саньке пишу заранее о том, что его Ярослава со мной поедет, а я к ним заодно наведу. Потому что по репе мне от него получить не хочется, спасибо, приступа ревности полугодовой давности мне хватило.

Спускаюсь в новый подземный паркинг, сажусь в тачку. Ярослава уже ждет у выхода, садится на пассажирское, застегивает ремень.

— Какой-то ты невеселый, Мирослав, — озабоченно выдает она, пока мы выезжаем с парковки.

— Просто задрался, вот и всё. — Жму плечами, не отрывая взгляда от дороги.

Ну а что я буду рассказывать всю подноготную двадцатилетней девчужке? Пофиг, что Ярослава с мозгами, просто она не поймет. Или поймет, но все доложит моему братцу.

Санек тоже не поймет. Он историю с Иволгиной знает, но будет твердить, что жизнь дает мне шанс, ля-ля-ля, как и ему с Ярославой, что мне важно эту возможность не проебать. Угу-угу. Будут потом на пару с Соболевой толкать мотивирующие речи. Неудобно, кстати, такое даже, потому что Санька я вечно убеждал, что Ярославу надобно забыть и жить спокойно дальше. Кто ж знал, что всё так у них получится. Аж до женитьбы дойдет.

В их-то возрасте! Не то чтобы Санек меня прям этим огорошил, нет. Он более обстоятельный, серьезный, весь из себя грин флаг, интроверт чертов, наверняка хорошим мужем будет. Да и Ярослава абсолютно домашняя с ним, короче там любовь так любовь. И с Соболевой у них тоже, по всей видимости, раз и на всю жизнь, как у Юльки с Ильей.

А у меня от любви осталась только похоть.

У будущего семейства Акимовых провожу примерно часа два. Догоняюсь домашней едой, которую готовит Ярослава. Обсуждаю с братом одну идейку по поводу работы, слушаю про его новую компанию.

А позже у меня вообще появляются ровно три дела.

Сначала рождается план: думаю, что наведаюсь к Юльке в ближайшие дни. И на самом деле мне реально хочется вернуть если не дружбу, то хотя бы немного общения, прояснить всё, доказать, что я не такой уж debil. Извиниться, в конце концов. Ну и уж буду честен: мне нужен мостик к Иволгиной. Точнее к ее телу. Тем более мы не просто так набираем людей в юридический отдел. У нас большая проектная работа предстоит. И появилась у меня тут одна мыслишка...

Второе — захожу к Иволгиной на страничку. Смысла, конечно, писать ей не вижу, я у нее в блоке уже как пять лет. Ничего интересного у нее на страничке нет, фотки почти не выкладывает. Автоматом проваливаюсь в сообщения и стопорюсь. Я могу ей писать? Какого черта? Как давно меня вытащили из блока? Может, сегодня? Может, даже ждет, что я ей напишу?

Странно, конечно. Я точно знаю, что висел у нее в ЧС, может, настройки какие сбились. Тогда почему бы собственно не написать, проверить кое-какую новую теорию.

Я: *предложение с ужином всё еще в силе.*

Отправляю, но вот только не впиваюсь взглядом в экран, как раньше. Секунды до ее ответа не тянутся как резиновые. Потому что я больше не дурак.

После душа меня ждёт сообщение.

Наташа Иволгина: «фак» (смайлик)

Я усмехаюсь, очень немногословно, зато кристально понятно. Хотя теория еще не доказана. Тут нужно немного подождать. Но всё равно вдогонку набираю быстрое.

Я: *это тоже в силе.*

Третье дело — выпустить пар. Физически. И нет, не на тренировке, хотя и это не помешает — надо бы наведаться в зал. Но сегодня, пожалуй, ограничимся другого рода активностью.

Для которой мне достаточно совершить всего один звонок.

Глава 8

Наташа

К сожалению, мне не удастся отправиться к явно поехавшей кукухой Юльке сразу после расчудесного собеседования, которое закончилось зажиманием меня же у стола в переговорке и неприличными предложениями.

Ну не треш ли?!

Удастся разобраться с накопившимися делами только ближе к вечеру, и я, уставшая, голодная и всё еще злая (хотя часть эмоций всё же успела схлынуть), еду на работу к подруге. Весь сыр-бор в том, что Горин-то прав: у Юльки действительно есть своя юридическая фирма. Не очень большая, но успешная. Они больше специализируются на семейном и имущественном праве, но пытаются расширяться и потихонечку захватывать и другие категории. Я как раз специализируюсь на первых двух. Лансковой, то есть бывшей Пуртовой, вообще, конечно, просто ужас как повезло с Ильей. Мне кажется, это настолько редко встречается, что зависть берет автоматом. В моем случае — белая, конечно же. Они оба мои друзья, с Ильей у нас всегда были отличные, чуть ли не братско-сестринские отношения, коих, например, мой бывший муж вообще не понимал. Нет, принимал, конечно, особенно с учетом того, что всё-таки мы жили на приличном таком расстоянии с друзьями, но не догонял. У него с женами друзей, например, не было никаких взаимоотношений.

Хотя, нужно признать, не догонял он многое...

Это Илья подарил Юльке фирму. Он дружок не бедный, да и подобное было мечтой подруги с курса эдак с первого, так что... И да, она меня к себе позвала. Сразу же, как только я вернулась в Новосиб. Просто мне казалось, что это не совсем удобное предложение — открывать для меня ставку, предлагать мне приличные деньги. Короче, я сказала, что поищу пока другие места, дабы не быть обузой. Они и так с Ильей мне очень сильно помогли... Хоть где-то мне надо самой. Не маленькая, как говорится. «Эвентум» показался мне классной возможностью: большая компания с несколькими офисами по стране. Корпоративное право, конечно, не то, о чем я мечтала, но в моей ситуации особо не повыбираешь. Юльке я сказала, куда иду, она лишь хмыкнула, странно на меня посмотрела (теперь понятно почему!) и сказала, что я еще приму ее предложение.

Могла бы, блин, предупредить! Коза! Я ж не знала, куда иду! Абсолютно не была в курсе жизни Горина, да и зачем мне это. Имелся факт того, что он укатил в Канаду с девушкой. Потом добавился факт того, что он поступил как полное дерьмо со своими друзьями. Ну там правда просто пипец. В принципе всё, точка. Я понятия не имела, что он в Новосипе и, судя по всему, достаточно давно. Мы не общались примерно пять лет. Вечность уже прошла.

Всё течет, всё меняется, кроме Горина и его похабного отношения ко мне. Вот это, пожалуй, точно.

Захожу в кабинет подруги, опускаюсь в кресло напротив ее стола и выдыхаю. Ноги гудят, голова трещит, а перед глазами до сих пор мелькают сценки из дебильной встречи с идиотом.

— Как собес? — хитро улыбается Юлька, катаясь на стуле от принтера к столу.

— Тебе весело? Совсем не испытываешь угрызений совести, а? — говорю без огонька, просто констатирую факт.

— Просто хотела тебя проучить, — пожимает Ланскова плечами. — Походить по компаниям она решила, дурында блин. — вскидывает руки от раздражения.

— Юль, мне не нужна благотворительность.

— Да ты дура, что ли? Что ты несешь? Благотворительность, блин, — она качает головой и откидывается на спинку кресла.

— Вы мне и так уже помогли...

— Так это и делают друзья, представляешь, Иволгина. Короче, переставай придуриваться, место тебя ждет, давай завтра с утра подпишем документы и приступишь. Сейчас уже поздно: кадровичка ушла домой. Тем более, если уж тебя это так сильно волнует, у нас освободилась ставка. Мы тут девочку увольняем...

— Чтобы сирой и убогой Наташеньке место нашлось, — грустно хмыкаю я, крутя в пальцах ручку с ее стола.

— Да вот уж тебя-то, Иволгина, такими эпитетами точно не наделишь, — происходит закатывание глаз со стороны подруги. — И нет, херово девчонка просто работала, не прошла испытательный срок. Бывает, — пожимает она плечами.

— Ладно, — сдаюсь я. — Твоя взяла.

— Ну неужели, — деланно недовольно говорит Юлька. — Включился всё-таки мозг у Натальи. Поехали, кстати, сегодня к нам, Илюха там новый гриль решил опробовать, отметим твою новую работу.

— Поехали, — соглашаюсь я, потому что всё, что готовит Илья — это произведение искусства, и грех отказываться. — Но это только из-за еды и Илюхи. И я всё еще на тебя обижена.

— Да брось, — отмахивается подруга, собирая вещи в сумку. — Господина Горина не видела случаем, вдруг где-то мимо проходил?

— Ха-ха. Он лично ко мне на собеседование пришёл.

Наблюдаю за тем, как ползут вверх светлые Юлькины брови. Выражение лица становится сначала удивленным, потом каким-то слишком заинтересованным.

— Большой босс к рядовому сотруднику? — пораженно произносит она.

— Угу.

— Ну мы же обе понимаем, что он ради тебя туда приперся. И как оно? Был хорошим мальчиком?

— Зайчиком, блин, — хмурюсь я. — Вел себя как говно. Устроил цирковое представление при своем же менеджере по подбору персонала, выпрашивал меня, хер ли я вообще ищу работу, когда есть ты.

Юлька пораженно открывает рот, и я даже чувствую какое-то злорадное удовольствие от того, что сейчас буду выкладывать ей всё это. Она же виновата, что не предупредила меня о владельце Эвентума.

— Да-да, типа *«у тебя же есть подруга с фирмой, чего ты к ней не пошла»*. Ну и пытался узнать, как это я переехала в Новосиб опять. Что-то такое, в общем.

— Вот болван, — качает головой Ланскова. — И как, узнал?

— Ну когда зажал меня в переговорке, поймав меня в момент улепетывания со сверкающими пятками из этого царства кринжа. Да, я ему сообщила м-м-м... некие детали моей личной жизни. На что получила четкое предложение переспать по-быстрому.

— Да ты гонишь, — Юлька аж чуть со стула не наворачивается. Глаза становятся круглыми, как у совы.

— Я серьезнее некуда. Не пойму только, что тебя удивляет, он же и общался раньше со мной с этой целью. Все годы твердил, что хорошо бы нам закрыть гештальт и трахнуть уже.

— Да он же просто прикалывался... — неуверенно произносит Юлька, но в голосе слышатся нотки сомнения.

— Нет, Юль. Это вы почему-то твердили, что мальчик влюбился. Всегда стоял вопрос: дам ли я ему в конце концов или нет. Эго его, видите ли, было ущемлено. И, как видишь, покоя ему это так и не дает.

— Так ты бы не хотела? — осторожно спрашивает она, и в ее взгляде мелькает что-то... изучающее.

— Чего?

— Того самого. Ну а что? Горин неплохой вариант... для здоровья... так скажем...

Я чуть ли не кручу у виска пальцем. Вот уж не думала, что Юлька всерьез будет такое выдавать. Нет, ладно, весь универ она твердила мне попробовать с Мирославом что-то построить, отказываясь почему-то верить в его реальные мотивы, хоть я миллион раз ей давала почитать наши переписки. Но сейчас-то уж нафига такой бред говорить?

— Во-первых, для какого еще здоровья, это же полный бред...

— Наташ, но... просто тебе нужно принять, что секс не всегда...

— Во-вторых, — с нажимом произношу я, обрубая брошенную фразу Юльки на корню, — он же гондон последний. Даже с вами дружбу растерял, как и совесть, а ты предлагаешь...

— Но он же этим обидел *нашу* прошлую компанию друзей школьных, Наташ. *Не тебя...* Тут как бы... — Юля сглатывает, видимо, не получается у нее дальше подобрать слов.

Молчу, закусывая щеку изнутри. Кровь приливает к лицу, и я чувствую, как начинаю раздражаться по-настоящему. Юлька знает вообще всё о моей жизни: все тайны и неприятные моменты. Включая всю историю с моим уже бывшим мужем. Абсолютно, без прикрас. Только не в курсе, что Мирослав Горин меня тоже обидел. Сильно, глубоко и аж два раза. Поэтому гондон он со всех сторон, как ни крути. Для окружающих, включая меня, естественно. Не знаю, почему именно этот уже совсем незначительный факт я не рассказала Юльке... Сейчас уже как будто нет никакого смысла, да и не хочется это всё ворошить. Совсем немного неприятно. Зато очень сильно стыдно.

— Наташ, он ведь мне сегодня написал, — говорит подруга, очень внимательно глядя мне прямо в глаза.

— Кто? — задаю безмерно глупый вопрос, на который уж точно знаю ответ.

— Горин. Слушай, он ведь давно уже в Новосибире. Даже пытался как-то еще года три назад выйти на связь, но мы тут все были непреклонны. Ну кроме Ильи — он у нас известная мать Тереза, блин. Они даже немного общались раньше, сейчас вряд ли продолжают.

— Так я не поняла, что по поводу написал? Ты хочешь с ним помириться?

— Нет, дружить я с ним больше не хочу. Тем более после того, что ты мне рассказала о его поведении. Он хочет обсудить сугубо рабочий вопрос. Послезавтра. Только вот...

— Только вот понятно, почему он решил это сделать именно сейчас, верно?

Юлька лишь кивает. Глаза у нее становятся виноватыми. Ну неужели?!

— Да, у мальчика есть явные планы приблизиться к тебе насколько возможно. Даже к плохой Юленьке на поклон пойдет. Зато предупрежден — значит вооружен, верно. Пусть приходит, интересно будет послушать.

Супер. Горин решил затеять какую-то тупую игру. Неужели во всем Новосибире не осталось с кем потрахаться, а? Я откидываюсь на спинку стула, закрываю глаза и чувствую, как внутри нарастает глухая усталость.

Глава 9

Мирослав

С третьим делом под названием «*выпустить пар*» я разобрался довольно быстро. Проблема была в том, что появление Иволгиной уже отравило моё тело. Не то чтобы у меня не встал в нужный момент или я там что-то не смог. Нет. Просто удовольствие получил, а вот именно удовлетворен не был. Злось на себя дико от этого. Нашёл то же мне проблему. Или это не я нашёл, а моя очень конкретная часть тела.

Просто какие-то бесячие глупости.

Что касается второго дела, мне кажется, что всё на мази. Я же написал Наташке, ни на что, естественно, не надеясь. Вообще не понимаю, когда она умудрилась меня из ЧС достать. Давно ли? Но вопрос в том, что уже следующий день наступил, а Царевна Несмеяна меня до сих пор не блокнула снова. Я вижу в этом знак. Почти такой же, как десять лет назад.

По поводу третьего дела, а именно разговора с Пуртовой, хоть и по работе (черт, всё время забываю, что у Юльки другая фамилия), я знатно так очкую. Но бояться Юльку — в лес не ходить. Блин, да я бы рад как-то и через Илюху подмазаться. Но тот слишком принципиальный, когда дело касается его жены. Типа у нее своя голова на плечах есть, он не намерен её в чем-то переубеждать. И тот факт, что он адекватно ко мне относится, не значит, что жена должна подхватить.

Да и разве Юльку переубедишь...

Не, Илюха хороший мужик. Во-первых, он нас на пять лет старше, может, поэтому умнее, спокойнее, стабильнее психологически. Последний фактор, кстати, немаловажен, думаю, это и сказалось на том, что Пуртова и Севка не сошлись когда-то. Хотя предпосылки всегда существовали. Севка — истеричка знатная, слишком несдержанный, требовательный где не надо. Во-вторых, Лансков Юльку любит. Очень сильно. Это всем понятно, всем заметно, да и крайне взаимно. Многие шутят, что он подкаблучник, типа под жену подстраивается. Только вот, скорее всего, просто в Юлке они не слишком хорошо разбираются. Зная бывшую подругу целую вечность, я понимаю, что это *она* во многом поменялась ради Ильи, это было заметно и пять лет назад. Поэтому у них такие отношения, которым, наверное, стоит позавидовать: до сих пор вместе, до сих пор счастливы. С Илюхой я уже крайне мало общаюсь, но все же раз в год где-то мы пересекаемся. Обычно случайно и минут на десять.

Перед встречей с Юлькой волнуюсь как школьник. Она всегда умела заткнуть любого человека, поставить на место кого угодно. До боли честная, справедливая и твердолобая.

Офис юридической фирмы Юльки находится в не самом пафосном, но приличном бизнес-центре. Внутри — классический минимализм: светлые стены, много стекла, живые растения в горшках на подоконниках. Приемная небольшая, но уютная: кожаный диван серого цвета, на стене — лицензии и сертификаты в рамка, за стойкой сидит администратор, молодая девчонка, которая провожает меня взглядом, когда я называю фамилию Лансковой.

Кабинет Юли находится в конце коридора. Хозяйка сидит в кресле и смотрит на меня с таким видом, будто я мерзкий клоп, который случайно залетел в помещение и теперь в нем сильно так пованивает. Она, кстати, почти не изменилась: всё такие же русые волосы, собранные в небрежный пучок, большие глаза, сейчас холодные и оценивающие. Только стала увереннее, что ли. Раньше в ней была какая-то девичья запальчивость, сейчас — больше броня.

— Долго будешь меня рассматривать, Горин? — обращает на меня Юлька крайне прямой взгляд.

— Просто давно тебя не видел.

Она хмыкает злобно, ведет плечами и кривит губы.

— И прям соскучился, я смотрю.

— И прям соскучился, — подтверждаю я, глядя на то, как у Юльки дергается щека. Не верит, естественно.

— А о тоске своей ты пришел заявить ровно после того, как Наталья Иволгина приходила на собес в твою компанию. Совпадение? Не думаю, — отрезает она.

— Значит, хорошо общаетесь по-прежнему? — провожу рукой по краешку стола. Темное дерево под пальцами. — Занятно... Что ж ты своей подруге не сообщила, в логово кого она направляется.

Юлька устало откидывается на кресло, скрещивает ноги и хлопает крышкой ноутбука, который частично закрывал обзор.

Сейчас что-то начнется.

— Да разве ж кто-то мог подумать, что ты в здравом уме и твердой памяти будешь прямо на нем предлагать ей переспать! — почти вскрикивает Пуртова.

— Не прямо на нем...

— Ой, прости, — перебивает она меня с сарказмом. — Через пять минут после его окончания.

— Да черт! — взрываюсь я. — Вопрос не в Иволгиной, я не собираюсь ее обсуждать! Не за этим я здесь!

— Да мне похрен, зачем ты здесь, Мирослав! — вторит мне тем же тоном девушка. — Нам в принципе не о чем говорить, понятно? Ты показал свое отношение к своим друзьям. Дважды, заметь! Да ты мне противен! — последнюю фразу она говорит почти шепотом, но в этом столько яда, что хватит на десятерых.

Мне окончательно срывает башню: вскакиваю со стула и начинаю ходить туда-сюда по кабинету, пытаюсь успокоиться. Руки чешутся, хочется стукнуть кулаком по какому-нибудь предмету, но я сдерживаюсь. И впервые после всего, что натворил, желаю не просто объясниться. А извиниться. Эта мысль обухом бьет по голове. Я пытался объяснить раньше, рассказать, что на меня так повлияло. Но вот извиниться не пробовал ни разу.

Даже в мыслях не проскользнуло...

— Да я сам себе противен, неужели ты не понимаешь? — хватаюсь за голову и разворачиваюсь к пышущей злобой Юльке. — Мне от самого себя тошно было. И до сих пор так.

Пуртова молчит, ждет. Впервые за столько лет она дает возможность высказаться, а мне только это и надо. Все эти многоходовочки, продуманные мостики между мной и Иволгиной, идут по одному месту. Потому что дело не в ней. А в том, что мне до боли хочется всё, что я проебал, вернуть. Речь о дружбе, о близких людях, о тех, кто знает меня с пятого класса.

— Мне жаль, Юль. Я приношу извинения. Виноват перед всеми. Вот что я должен был сказать тогда. Быть честным, не искать оправдания и причины. Сашка... — мой голос на этом имени ломается, а Юлька дергается словно от боли. Наблюдаю в режиме реального времени, как её глаза наполняются слезами.

Она быстро отворачивается, смаргивает, но я всё равно замечаю. В горле пересыхает.

— Когда Сашка погиб, я места себе не находил. Билеты купил сразу, естественно. Я... винил себя, ведь тогда тачкой своей ему разрешил попользоваться, типа нахрена мне эта рухлядь в Канаде. Это была моя тачка, Юль. На ней он разбился, ты же и так знаешь. Если бы я прошел ТО хотя бы перед отъездом, такого бы не случилось. И он... был бы жив, — воздуха не хватает, я пытаюсь перевести дух. Грудную клетку сдавливают. Невероятным усилием заставляю себя продолжить: — Я приехал в аэропорт, но не смог улететь. Не представлял, как буду смотреть в глаза его родителям, сестре, вам всем. И не хотел видеть Саньку мертвым, глядеть, как его собрали по частям и положили в гроб. Не смог. И я слабак. Абсолютный.

— Зато смог улететь на Гавайи через неделю со своей Вяземцевой. Это ты смог, — чеканит Пуртова, но уже без должной ярости. В голосе скорее разочарование.

— Она ныла, канючила, упрашивала, это же было подарком на ее день рождения. Говорила, что наоборот, надо сменить обстановку, расслабиться, забыться. Я поехал с условием того, что там она меня не трогает и фотки не постит. Чтобы...

— Чтобы мы не знали, какой ты на самом деле козел.

Я кивнул. А что скрывать? Им-то я ведь сказал, что у меня проблемы с визой и выездом, типа обнаружили на паспортном контроле при вылете из страны. До сих пор стыдно за это вранье.

— Ну что ж, пока ты страдал в своей долбаной Канаде, о которой нам, кстати, даже не сообщил, мы тут узнавали, что Сашка разбился, ездили с его родаками на опознание, потом хоронили его и устраивали поминки. Как тебе на Гавайях, кстати, Горин? Понравилось? Это уж наверняка лучше, чем хоронить друга, которому только исполнилось двадцать три.

— Я там пил беспробудно, — бурчу я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота от этих воспоминаний. — Мне жаль, что я такой слабак и не смог взять себя в руки и прилететь. Не знаю, просто барьер какой-то сработал. А про Канаду и отъезд... ты знала, какой у меня дед. Вы все были в курсе его придурств. Он бы обрубил мне все нити, если бы пронюхал про переезд, поэтому я и молчал в тряпочку. Понимал, что вы обидитесь и где-то не поймете, объяснял же вам потом.

Юлька нехотя кивает. Встает, наливает себе воды из кулера. Предлагает мне тоже — я не отказываюсь. Чувствую себя так, будто марафон пробежал. Под худи струится пот.

— Знаешь, Горин, мы даже после всего этого готовы были тебя поддержать, когда дед твой умер. Не все, конечно, но всё же. Ты и тогда нас обрубил...

— Да я не хотел из его похорон устраивать зрелище. Он ни для кого хорошим не был, да никто в целом не сказал бы про него ничего положительного. Деньгами только сыпать умел. У меня была одна цель — брата вытащить из жуткой депрессивной ямы и уехать с ним в Канаду обратно. Больше ни о чем и не думал.

Мы молчим какое-то время. Пуртова щелкает ручкой — нервно, ритмично, — я присаживаюсь обратно в кресло. Фокусируюсь взглядом на маленьких стикерах-фотках, которыми облеплен явно ее личный блокнот. Даже я затесался в компании старых друзей. Но притягивает меня одна конкретная маленькая фотка. На ней Иволгина в свадебном платье — веселая, явно счастливая, обнимается со своей подругой. Платье красивое, атласное. Улыбка настоящая. Я смотрю и чувствую, как внутри что-то неприятно ноет.

— Я успела глянуть на твое коммерческое предложение, Горин, — вздыхает Юлька, возвращая меня в реальность. — Если ты всё это затеял, чтобы куда-то и во что-то заманить Натали, забудь, пожалуйста. Возьмись за ум: ни ей, ни тебе это не надо. Особенно конкретно то, что ты предлагаешь.

Интересно, она образно это говорит про связь со мной или конкретно про секс?

— Аутсорс выгоден тебе, Юльк, и ты это знаешь. Ты пытаешься развивать новые направления права у себя в фирме, это будет отличная возможность сотрудничества. Мне нужны надежные юристы на время, пока мы расширяемся до «Эвентум Групп». Тебе — крупный контракт и огласка в правовом мире. Это взаимовыгодная история.

Юлька слушает, поджав губы. Она вертит ручку в пальцах и смотрит куда-то сквозь меня. В её позе чувствуется напряжение — она явно что-то обдумывает, взвешивает. Брови сдвинуты к переносице, на лбу пролегла вертикальная складка. Потом она откидывается на спинку кресла и окидывает меня долгим изучающим взглядом. Несколько секунд молчит, гипнотизирует. Потом кивает — скорее себе, чем мне.

— Окей, мы можем обсудить это предложение, — говорит она. — Но два момента, Мирослав. Первое — мы не друзья, это не меняется. Работать — ок, дружить — нет. А второе, — тут она делает паузу, и я уже предполагаю, что сейчас будет, — Иволгина занимается только семей-

ным и имущественным правом. Она в проекте не участвует. Поэтому я дам тебе возможность сейчас покинуть и спокойно уйти, а, например, завтра — отказаться от этой затеи с аутсорсом.

— Не приплетай личность Иволгиной, — отрезаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Это бизнес и сотрудничество. Там не место всякой прошлой хероте с непонятками в отношениях.

— Принимается, — соглашается бывшая подруга, чуть шурясь и вглядываясь в меня, будто рентгеновский аппарат.

Я понимаю, что не был до конца честен. С точки зрения леди Натали и моей заинтересованности. Однако сейчас смотрю на всё со стороны и в очередной раз ощущаю себя максимально тупым. На самом деле коммерческое предложение не вчера слеплено. Оно уже почти месяц существует, просто боялся пойти с ним к Пуртовой. То есть нет, я действительно не выдумывал сотрудничество ради Иволгиной. Думал ли, что в целом эта ниточка в будущем может связать меня с девчонкой? Да.

Но на сегодняшней встрече всё быстро встало на место.

Как же я вымотался за эти полтора часа! Словно вагоны разгружал. Плечи ноют, голова гудит. Но некое облегчение ощущаю. Юлька — основа нашей почти развалившейся компании. Точнее, нет, не нашей. Их. Меня-то там нет. И это не значит, что я вышел из расстрельного списка, но точно станет шагом вперед. Перед остальными я тоже извинюсь. Со временем.

А сейчас, кажется, мне просто тупо надо выпить. Желательно одному. И желательно чего-то покрепче.

Глава 10

— Ты продолжаешь утверждать, что вы теперь снова не друзьяшки? — небрежно выдаю я подруге, честно признаться, слегка опасаясь ответа.

Потому что факт возобновления приятельских отношений Юльки с Гориним меня не радует. От слова совсем. Не думала, что подругу так легко может кто-то проломить. Даже излишне обаятельный придурок по имени Мирослав Горин. Ладно Илюха у нас известный филантроп (автоматом хочется добавить дальше «гений, миллиардер, плэйбой»), ко всем старается хорошо относиться. Но Юлька-то больше циник... Не хочу я, к чертовой бабушке, иметь лишних связующих звеньев с Миром. Мне просто тупо противно. В том числе от его мерзейшего предложения двухнедельной давности, которое он вечером того же дня еще и подкрепил сообщением в соцсети. Как у него вообще язык повернулся после всего... в смысле после пятого курса.

Правда, больше за последние четырнадцать дней он со мной связаться не пытался. Никак. Зато активно договаривался с Лансковой о грядущем сотрудничестве. Невыгодном для меня... Хрен знает, что там у него на уме.

— Наташ, ну сколько можно, — закатывает подруга глаза. — Надо было ему извиняться ещё четыре года назад, да и не только передо мной, а он только сейчас пытается себя обелить, рыцарь печального образа, блин. Столько воды утекло, какая тут дружба?! Я тебе уже говорила: вопрос в контракте на аутсорс: это пиздец, какой шаг вперед для нового направления в фирме. Это возможное расширение. Это... — Юлька так воодушевилась, что подавилась воздухом и пыталась откашляться.

— Эй, отставить умирать, — произносит слегка встревоженный Илья, заходя в комнату. — Жена, сначала, пожалуйста, роди мне хотя бы двоих.

Юлька лишь отмахивается и хлопает мужа по плечу. Но в каждой шутке есть доля правды. Илье тридцать два. Он хочет детей, открыто об этом говорит, но старается не напирать. А у Юльки... карьера, которую сам Лансков и устроил. Представляю, каково ему теперь: понимать, что сам приложил руку к тому, что дети в их семье откладываются на неопределенный срок.

Мой бывший муж тоже хотел ребенка. Но я так и не забеременела. Обычно на такое говорят: *«пока просто Бог не дал»*. Ну, его родители, по крайней мере, постоянно эту фразу использовали. Я про себя ее меняла на *«Бог уберег»*. Нет, если что, я не бесплодная, могу по факту забеременеть и выносить малыша, у меня всё в порядке по-женски. И я не чайлдфри. Просто вот так у нас сложилось. Хотя, наверное, я могу себе объяснить причину, даже с легкостью.

— Классно выглядите, кстати, — хмыкает Илья, оглядывая нас с Юлькой. Конечно же, останавливаясь на последней, смотря с восхищением на то, какая она у него красивая. И сжимая ее бедро с горящими глазами. Кажется, кто-то бы с удовольствием остался дома и занялся чем-то поприятнее, чем даже концерт Скриптонита. Хотя мы с Лансковым так его сильно ждали, еще и с учетом переноса выступления с мая на самое начало июня.

— Думаешь, не слишком пошло? — интересуюсь я у Илюхи. Он более объективен.

Тот только успевает помотать головой и открыть рот, но жена не дает ему и слова вымолвить.

— Иволгина, нам не пятнадцать, чтобы переживать о том, как мы выглядим, пошло или нет, — выдает подруга, у которой из шорт точно вывалятся при ходьбе обе ягодицы сразу.

— Но мы и не эскортницы в те же двадцать семь, Пуртова, — иронизирую я, но тут же замечаю притворно негодующий взгляд Ильи.

— Прости, Илюш, Ланскова она, Ланскова.

Он делает вид, что выдыхает от облегчения и даже прикладывает ладонь к груди. Обожаю его, просто лучший из лучших. В самом что ни на есть дружеском плане, если что.

На мне короткое платье, корсет сверху, грудь и все ноги наружу. Наверное, не прям до пошлости, но всё же немного непривычно. Но мне нравится, честное слово. Я даже крутанулась перед зеркалом перед выходом и сама собой залюбовалась — давно такого не было.

Раньше я бы такое не надела. Ну в период замужества. Не то чтобы бывший муж мне не разрешал или скандалы закатывал по поводу моих образов. Такого не было. Просто представляю, как бы он бесился и краснел, ловя направленные на меня чужие взгляды. Поначалу, кстати, мне это даже льстило. А потом... стало абсолютно всё равно. Лишь бы в целом с ним не особо общаться.

Позже мы встречаемся с компанией ребят. Сегодня это друзья Илюхи, которые все мне давно знакомы. Наши с Юлькой подруги с универа разъехались, как и я в свое время. Кто-то в Барнауле, кто-то в Москве, а кто-то даже умотал в Южную Корею. Оставшаяся маленькая часть компаши Пуртовой с презрением относится к рэпу, поэтому они сие мероприятие пропустили. В «Сибирь-Арену» мы проходим быстро, несмотря на адское столпотворение. У нас вип-проходки и места в такой же вип-зоне. Спасибо Илюхе, конечно же. Мы вечно стебемся над ним и называем зажиточным. Так повелось еще с момента их знакомства с Юлькой.

— На тебя пялится Тимурчик, — подталкивает меня плечом Пуртова.

Автоматом закатываю глаза. Хотя я вообще-то заметила. Мы с ним вообще-то виделись в доме у Лансковых примерно месяца полтора назад, я как раз почти четыре недели была в Новосибире, и в день общей встречи устроила дикую генеральную уборку у себя в квартире. Так задолбалась, что поехала к ребятам в застиранных трениках, огромной футболке, без грамма косметики и с дулькой на не самых свежих волосах. Во-первых, потому что мне привлекать некого, да я даже не думаю об этом. А во-вторых, кого мне в принципе там очаровывать, если бы потенциально мне было, предположим, интересно сие «развлечение».

А сейчас нате — хрен в томате. Меня заметили — вот что значит внешний лоск. Ну ладно, еще сиськи и открытые ноги, плюс сапоги-трубы на каблуке. Да, если что — на голые, загорелые и вполне себе стройные ноги. Тимурчик уже мне и руку подал, и пытался пошутить, и разговоры заводил, пока мы ехали на концерт. Я же была и остаюсь с ним просто вежливой, не более.

— Попялится — перестанет, — с небольшим промедлением отвечаю я Юльке.

— А что мы нос воротим, а? Тимурчик очень даже ничего. Холост, девушки нет, стабильный заработок в конце концов. Да и выглядит более чем приятно.

— Смотри при Илье про свое «очень даже и более чем» по отношению к Тимурке не ляпни, — угораю я.

— Ты стрелки, Иволгина, не переводы, — грозит мне наманикюренным пальчиком бывшая Пуртова, а потом вздыхает и смотрит на меня как-то, блин, скорбно. — Наташ, почему бы и нет? Что ж теперь, вообще отношений не заводить? Я не только в плане секса, а в принципе, — неуверенно заканчивает она.

Опять мы пришли к этой тупой теме про отношения и секс. Я не хочу! И нет, я не страдаю по бывшему мужу, не считаю, что после развода жизнь кончена и далее по списку. Просто меня не интересуют отношения — ни возвышенные, ни чисто на уровне физики тем более. Со вторым вполне справляется мой фиолетовый друг. Недавно я, кстати, еще такого розового завела. Точнее, цвета фуксии...

— Юль, отстань, а? — бросаю ей устало, а потом отхожу к диванчику в нашей зоне и плюхаюсь на свое место, слыша, как новая девушка одного из парней в компании Ильи активно страдает по поводу того, что здесь нельзя заказать кальян. На концерте, блин. В «Сибирь-Арене» на двенадцать с половиной тысяч человек.

Ну и овца, конечно.

Даже не успеваю развить эту мысль у себя в голове, переглянуться с Ильей, чтобы совместно поугорать над чужой дуростью, как меня прошибает пот.

Потому что на соседние места в вип-зоне, ну то есть диванчики со столиками, приходит новая компания. Похожая на нашу, тоже смешанная: есть парни, есть девушки. И есть...

Мирослав Горин, который плетется вместе со всеми, активно печатая что-то в телефоне. В широких черных штанах, белой футболке-поло и таких же кипельно-белых кедах.

Слава яйцам — не замечает ни меня, ни Илюху, ни Юльку, садится на свое место. Спиной к нашей компании. Мы вообще, получается, оба сидим спиной друг к другу на не слишком большом расстоянии.

По-хорошему, так можно и весь концерт провести. Ну в смысле, не заметив друг друга. Только вот я очень люблю Скриптонита, собираюсь оторваться на полную на пару с Илюхой. У нас вообще-то договор, потому что мы — истинные фанаты.

А значит, Горин нас точно увидит. Потому что я буду вставать, танцевать, подпевать. Уж точно не собираюсь отказываться от удовольствия из-за того, что в одном зале со мной находится озабоченный идиот, помешанный на слове «*геитальт*».

Глава 11

Мирослав

Честно говоря, я не был особо в настроении уже неделю точно, ибо порядком задолбался. Десять дней провел в командировках, разъездах. Мотался по офисам «Эвентума»: Казань, Нижний, Москва... Потом в Екат заскочил, потому что в планах жило открытие там еще одного офиса. Только вчера вернулся домой в Новосиб. И, прямо скажем, последнее, о чем я думал, — это посещение концерта Скриптонита. Брат активно фанатеет, а я относительно равнодушен. Они с Ярой этой зимой летали в Казахстан на большой сольник того же исполнителя, ну и в нашем городе его выступление не могли пропустить. Кто-то там из друзей малого не смог присоединиться, и, дабы не пропал билет, буквально силой вытащили меня. Я повелся только по причине того, что мы с братом и его невестой прилично уже не виделись. Ну и надо отдать должное, в их компании, точнее в Сашкиной по большей части, все люди очень разнятся по возрасту. И я там даже не самый старый. Просто любительский хоккей — это дело такое.

Конечно, выход рэпера задержался на час, что все равно бесило, но очевидные плюсы вип-зоны — это удобство. Мы с ребятами болтали, кто-то потягивал минералочку и лимонад, другие остановили свой выбор на более крепких напитках. Я, например, отдал предпочтение вискарю, стараясь особо не налегать, потому что завтра у меня две рабочие субботние встречи. Кстати, в понедельник у нас ещё и с Пуртовой должна случиться коммуникация. Мы после той слишком внутренности выворачивающей встречи общались еще пару раз в дистансе, но послезавтра рдолжны финализировать договоренности. Даже ощущаю прилив эндорфинов от будущего сотрудничества, потому что есть возможность, где просто рабочие отношения могут перетечь, а точнее вернуться в старую-добрую дружескую стезю.

Периодически залипаю в телефоне, перебрасываюсь фразами с окружением, наблюдаю за танцующими около ограждения большого балкона в випке. Некоторые композиции Скрипа мне хорошо знакомы, и я даже ловлю своего рода кайф. Давным-давно не был на концертах, да вообще в принципе обычно не особо располагал временем на движ, последние три года уж точно, с тех пор как ко мне перетек дедов «Эвентум». А мне, блин, всего двадцать семь! Это всё ещё молодость, которую я явно пропускаю...

Приятно наблюдать за Санькой и Ярославой. Оба сильно счастливы, как раз сегодня рассказали друзьям брата, что у Соболевой теперь статус невесты и она носит заветное колечко на безымянном пальчике правой руки. Хорошо, когда всё хорошо, в общем. К тому же чувствую себя причастным к их счастью, ведь если бы в свое время не проявил наигранный интерес к Ярославе, то, может, малой бы так и не решился ей признаться в чувствах. А так... всё удалось. Правда, я чуть по морде не получил, но зато вон как щас всё ладненько.

— Мирыч, — раздаётся рядом с моим ухом голос брата, а дальше что-то очень неразборчивое. Музыка малому не удается перекричать с первого раза.

— Нихера не услышал, — ору в ухо Саньку в ответ.

— Да блин, — выдает он раздраженно, — Обернись или хотя бы жопу свою подними, там у тебя спиной на соседних диванах твоя подруга Юлька и... ну... она.

Затем брат хлопает меня по плечу и сразу возвращается к своей танцующей девушке. А я так резко разворачиваюсь, что, кажется, у меня защемляет шейный позвонок.

Выхватываю взглядом небольшую компанию. Ну по количеству людей их примерно столько же, сколько и нас. Лица некоторых относительно знакомы, отдаленно понимаю, что это друзья Ланскова. Вижу Юльку на диванчике, качаю головой: не особо она стремится отжигать под Скрипа, как и моя персона, зато ее смеющийся взгляд устремлен ровно вправо. Смотрю туда же, и меня прошибает потом моментально. Жарко просто духота. И как я не заметил такого роскошества... С другой стороны, я ж спиной сидел, а глаз на одном месте у меня пока

не появилось. Иволгина с Лансковым наводят шума под трек «*Цени*», явно зачитывая его друг другу наизусть. Оба уже раскраснелись, орут, веселятся и явно ловят кайф от выступления. Сглатываю, а конечности моментально наливаются тяжестью от того, что я вижу.

Не, Илюха, конечно, тоже ничего смотрится, но вся эта реакция отдана моей девочке.

Там. Просто. Вау.

Красивые, плавные движения стройного тела. Особенно подвисяю на бедрах Наташки, выписывающих бесконечно идеальные восьмерки. Воздух становится даже слегка разреженным, когда я пробегаюсь глазами по всей фигуре Натали. Возможно, даже облизываюсь. Если это реально так, то я не специально, просто рефлекс.

Она в белом ультракоротком платье с оборками внизу, стройные загорелые голые ноги обуты в высокие широкие сапожки на каблуках. Скольжу взглядом вверх по ее телу и упираюсь в м-м-м... что это? Корсет? Наверное, да, судя по шнуровке. Надо узнать на досуге, кто придумал это чудо инженерной мысли. В смысле такой предмет одежды, ведь я бы выразил создателю искреннюю благодарность. Тонкая талия Иволгиной подчеркнута, и... на эту собранную грудь я бы неотрывно пялился ну сутки точно. Еще будоражат ключицы девушки, мне жажжется прикусить каждую выступающую косточку.

Личико как всегда: выше всяких похвал. Куколка, малышка, красотка. Самая сексуальная девочка, вызывающая исключительно низменные желания прямо здесь и сейчас.

Натали, по моим ощущениям, даже ведет себя свободнее, раскованнее. Только вот голосок в моей башке услужливо подсказывает, что, скорее всего, и раньше она такая же была, просто не со мной. Как будто при мне ей не удавалось полностью расслабиться.

Встаю, меня сразу же слегка ведет в сторону на секунду, но я быстро оправляюсь и иду к знакомым ребятам. Если что, у меня благие цели — просто поздороваться. Нехорошо быть невоспитанным мальчиком. Касаюсь плеча Юльки, она оборачивается и чуть вздрагивает от неожиданности. Максимально незаинтересованно спрашивает, какими моя личность тут судьбами, я же просто указываю рукой на своего брата. Пуртова кивает, и без слов понятно, что дальше разговаривать со мной не намерена. Что ж, ладно, это мы еще наладим. В будущем. Однако меня замечает Илюха, улыбается, подзывает к себе. До чего же приятный всё-таки мужик. Мы жмем друг другу руки, перебрасываемся парой слов, но да простит меня Лансков, я слушаю его вполуха и отвечаю на автомате, потому что леди Натали меня тоже замечает, а я продолжаю активно разглядывать всё, чем наделила эту девушку природа. В глазах красивой малышки резко вспыхивает неприязнь в мою сторону, но тут как бы ничего нового.

Всё равно подхожу к ней, наклоняюсь к ушке и произношу:

— Привет, — губы растягиваются в искренней улыбке.

— Пока, — выдает мне куколка грубовато и отворачивается.

Ожидаемо. Испытываю жесткое желание притянуть ее спиной к себе, провести по загорелым бедрам ладонями, смять это чертово платье, задрать его повыше, а потом уткнуться носом в шейку и вдохнуть до боли знакомый фруктовый запах. Это почти фантомная боль — когда хочешь сделать что-то, но не можешь. Ха! Если я на такое осмелюсь при всех, да хоть пальцем её трону или слово скажу, она меня пошлет. Илюха мне тоже сразу по тылке настучит, знаю точно. Поэтому тупо плетусь обратно в нашу зону, только располагаюсь уже на другой стороне дивана, где могу полностью и очень хорошо обзреть компанию напротив.

Хотя кого я обманываю, взгляд мой прикован к одной очень конкретной кукле.

Не знаю, сколько проходит времени, но Натали точно по барабану, что я за ней наблюдаю. Только вот мой наверняка плотоядный взгляд она кожей чувствует, готов спорить на что угодно.

Играет еще несколько композиций точно. Я ощущаю излишнюю расслабленность в голове, но не проходящее напряжение в паху. Иволгина с Лансковым вытягивают наигранно недовольную Юльку потанцевать под песню «*Космос*», кружатся втроем как дурачье. В пер-

вые секунды их нелепого танца у меня даже колет в груди. Такой не самый приятный момент давнего осознания, что я вот для Пуртовой чужой фактически человек. А этим троим дружбу свою удалось сохранить, хотя с Юлькой мы вообще-то знакомы дольше, чем Натали и Илья вместе взятые.

Это какая-то неприятная ревность и определенная дань былой моей глупости.

Периодически ловлю на себе настороженные взгляды брата, который явно опасается, что я под градусом устрою какую-нибудь херню. Эй, я не так много выпил, алё! Отмечаю и заинтересованные взгляды Соболевой, она точно прослеживает некую логику в моем состоянии и устремленном к компании напротив внимании. Да блин, мой брат явно своей невесте устроит позже дома ликбез по поводу моей четырехлетней разнесчастной френдзоны.

Испытываю глухое раздражение, сам не понимаю уже, почему конкретно. Но мой упаднический настрой сохраняется ровно до того момента, пока я не замечаю, что Наташка что-то шепчет на ухо Юльке, та отрицательно мотает головой, а моя девочка, кивая, направляется к выходу из зала.

Да! Да! Да, черт возьми!

И нет, я вообще-то не тупой и не иду сразу за ней. Чтобы как идиоту попасться на глаза Пуртовой и ее мужу?! Да шас! Эти двое вмиг мои намерения просекут и обрубят. Поэтому двигаюсь к выходу в противоположной стороне. Какой я продуман, а? Скажите же? Буквально через минуту, петляя по коридорам, замечаю, что спина Натали скрывается в женском туалете.

Чё я там втирал самому себе, кстати? Что не так уж много выпил? Брехня. В голове стоит осязаемый туман. Наверное, совсем слегка переборщил с вискарем. Но я же вполне могу соображать и контролировать себя?!

Да точно-точно, шас мы с Натали наконец-то по-нормальному заобщаемся. Я игнорирую плавающие мысли по поводу нашей прошлой встречи, ее грубых слов в конце, наконец, пятого курса, когда она так гнусно вильнула от меня хвостом. Кому это все надо вообще! Надо же жить в моменте, я ж говорил, что упускаю молодость? Так вот шас мы её и поймаем...

Моя девочка достаточно быстро выплывает лебедем из дамской комнаты, и, как и планировалось, влетает ровно в меня.

— Ой, — пищит она, упираясь ладонями мне повыше груди. Замечая, кто перед ней, отскакивает моментально.

— Осторожнее, малышка, — тихо отвечаю я, удобно располагая свою руку у нее на талии и утыкаясь глазами ровно ей в грудь.

— Господи, Горин, какого черта? — она пытается сбросить мою конечность с себя, но безуспешно.

— Ты нереально сладкая, — кажется, я не контролирую, что несусь.

Хотя комплименты же хорошо, правда?

В ответ на знак внимания получаю только дичайшее закатывание глаз.

— А ты нереально нетрезвый. Что места больше не нашел, чтобы напиться? — кривит свой милый носик моя красивая девочка.

Замечаю, что в ее темных волосах есть светлые прядки. Не знаю, как такое называется, но не догоняю, почему я это не заметил при встрече ещё две недели назад. Или это уже после она такое сделала? Хотя ей идет, очень даже. Блин, чё-то да, я походу переборщил с крепким алкоголем. Эта мысль быстро улетучивается, когда понимаю, что откровенно торчащие полушария груди Натали красиво переливаются. Какое-то золотое свечение? Блестки? Или она просто ангел?

Или я безбожно пьян...

— Горин! — строго восклицает Иволгина и снова пытается сбросить с себя мою ладонь.

Ладно, твое желание — закон, детка, уберу руку. Девушка сразу же пытается меня обойти, но меня подобное не устраивает. Загораживаю ей путь к залу.

— Да боже, что с тобой не так! Нафига ты за мной поперся? Собери свои последние мозги и дай мне пройти уже, — её глаза сверкают, кулачки сжимаются.

— У меня с тобой вообще никогда не получается быть адекватным, ты знаешь? — роняю грустно, но сам пугаюсь своих слов, я их не планировал.

Гляжу, как расширяются зрачки девушки, поглощая светло-коричневую радужку. И это бьет по мне сильнее, чем ноги, бедра, декольте и долбаное свечение. Мой взгляд медленно перетекает на манящие губы напротив, и я, кажется, сглатываю. В горле пересыхает.

— Горин, послушай, давай мирно разоидемся по своим местам, ну чего ты ко мне привязался? Мало неприятных разговоров было у тебя в офисе? Ты разве не догнал смысла?

Мотаю головой. Конечно, недостаточно общения, я бы даже сказал, катастрофически мало. Делаю шаг вперед, Наташа отступает, и так еще и еще раз. Пока девчонка почти не упирается своей спиной в стену. Я снова загоняю ее в ловушку, получается. Она тоже это осознает, и в глазах, в которые я неотрывно пялюсь, появляется какое-то странное выражение... Хм, что это? *Трепет? Волнение?*

— Я тебя хочу, — хриплю я, не желая скрывать простую истину.

Хватит, уже намолчался, наосторожничал.

Ее грудь начинает вздыматься в каком-то диком сумасшедшем ритме, просто не могу туда не уставиться, но усилием воли снова поднимаю глаза вверх. Черт. Сквозь туман в голове, усилившийся ощущением близости моей девочки, всё ещё пытаюсь разгадать выражение на её лице. Так, что это может быть? *Томление? Влечение?*

Думаю, что надо быть поконкретнее. Женщины любят честных, так ведь? Только стоит как-то поаккуратнее всё преподнести.

— Давай просто сделаем друг другу хорошо. Нет, даже охуенно. Мы давно взрослые, Наташ, глупо ходить вокруг да около и играть в тупые гляделки. Уйдем сейчас, м? Вместе, куда угодно. Тебе зайдет, обещаю. Скажи, как тебе нравится? Помню, ты как-то давно обмолвилась, что любишь жестко...

Чёрт, кажется, с осторожными формулировками имеются некие проблемы.

По телу девушки проходит крупная дрожь, она отшатывается, ударяясь со всей дури спиной о стену, мне не удается вовремя ее поймать, чтобы она ненароком не ушиблась. Правда, теперь приходит четкое осознание, *что* за выражение застыло на ее лице. Там смесь эмоций: *осуждение, неверие и... страх.*

— Ты переходишь все мыслимые и немыслимые границы, — дрожащим голосом, достойным самой жесткой зимней стужи, произносит *не* моя девочка. — Ты и раньше не понимал слова «нет», но сейчас у тебя шарики за ролики заехали. Какое право ты имеешь зажимать меня в пустом коридоре арены и предлагать всё... всё это? Раздвинуть для тебя ноги? Совсем больной? Да как... как у тебя язык только поворачивается?!

Ее тон немного меня отрезвляет, а в этот момент в коридоре четко проносится приглушенная строчка из песни Скриптонита. Черт, я даже умудрился забыть, *где* мы вообще находимся:

...Еще одним холодным утром — руки без слов. Кричат об одном — это любовь...

Смешно получается. В плане музыкального сопровождение нашего диалога. Только последнее слово в строчке надо заменить на «*похоть*». Скорее даже на «*болезненное влечение*».

Только с моей стороны, естественно. Меня резко прошибает стыд, осознание. Как будто бес попутал, честное слово. Надо, наверное, что-то сказать. Нормальное! Чтобы как-то подправить мои грубые слова и непристойное предложение.

— С-слушай, я...

— Что с тобой стало, Мирослав, а? Нет, не отвечай, это риторический вопрос. Ты ведешь себя отвратительно. Будь добр, забудь о том, что я существую, пожалуйста. Избавь меня от своей личности и общества.

— Да, блин, я просто...

— И заканчивай бухать. У тебя явно отклонения, возможно, это на фоне алкоголя.

— Наташ! — это уже слышится громкий голос Ильи где-то сзади.

Иволгина тут же опасливо обходит меня и направляется к своему другу с явным облегчением. Тот окидывает ее мониторящим состоянием взглядом, как будто я реально мог что-то с ней сделать, и спрашивает:

— Всё в порядке?

— Более чем, — отвечает она резко повеселевшим голосом.

Илюха говорит, что заглянет в туалет и через пять минут вернется в зал, но мы все втроем знаем: его основная цель — попытаться вправить мне мозги. Часть моего сознания, кстати, согласна с ним. Ну в том плане, что мне, идиоту, это требуется.

— Что тут у вас было?

— Как видишь, ничего, — пожимаю я плечами.

— Нафига ты тогда за ней поперся?

— Просто перебрал слегка, — пытаюсь еще на расстоянии между большим и указательным пальцем показать, что в моем понимании значит «слегка».

Лансков недовольно хмурится, и на его лице появляется достаточно суровое выражение.

Блин, обычно он спокойнее.

— Отвали от Наташки, Мирыч, серьезно. Чё тебе, девок совсем мало или заняться тупо нечем?

— Может, это про *большое и чистое*, а ты мне палки в колеса вставляешь на пару со своей жenuшкой, — иронизирую я, сам не веря в то, что несу.

— А это оно, Мирослав? *Большое и чистое*? — изгибает одну бровь Илья.

— Нет, — устало вздыхаю и фокусирую более серьезный взгляд на человеке напротив.

— Тогда держи свои причиндалы в штанах, а грязные предложение в закрытом рту, — отрезает Илья, разворачивается и уходит.

Да, сама ситуация дебильная, я откровенно сильно нетрезв, наговорил Иволгиной бес-связного говна, хоть там и не было ни капли неправды по факту. Триггерит меня всё равно другое. Что в глазах Илюхи, Юльки, самой Наташи я — угроза. Придурочный, озабоченный и избалованный короткими интрижками тип.

Самодур и неадекват.

А это, выходит, гораздо хуже того, кем я был для всех них еще пять лет назад.

Глава 12

Наташа

Продолжили отдыхать после концерта мы у Лансковых дома. Это был бы почти идеальный вечер, если бы минут за двадцать до окончания выступления Скриптонита мы все не наблюдали, как Горина чуть ли не в говно пьяного уводит из зала его брат. Мы тогда с обоими Лансковыми переглянулись, каждый из нас недоумевал. Мирослав никогда себе подобного не позволял. Как бы все мы употребляли алкоголь, да и универ на это дело — самое жаркое время, но Горин вообще всегда держал себя в руках. По максимуму. Не делал глупостей, а главное — никогда излишне не распускал руки. По крайней мере со мной. Да, было много моментов, где между нами что-то мелькало, но он понимал, когда ему говорят «нет» на определенные действия. А мне самой с ним башню сорвало только единожды: на Новый год на третьем курсе, только вот смысла нет вспоминать глупое, почти детское прошлое.

Сейчас, сидя на мягком диване в гостиной Лансковых, я все еще чувствую неприятный осадок. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки, когда я прокручиваю в голове его слова. «Давай просто сделаем друг другу хорошо». Как будто я какая-то... даже думать не хочу.

— Что он тебе наговорил? — спрашивает меня Юлька украдкой, пока Илья травит очередную байку.

— Кто?

— Конь в пальто! Горин, конечно. Илья сказал, что тот за тобой вышел.

— Ничего интересного, просто бред сумасшедшего, точнее пьяного. Серьезно, Юль, все норм, — отрезаю я, отворачиваясь и делая вид, что вникаю в общую беседу.

Юлька хмурится, сверлит меня взглядом, но, вроде бы, верит.

— Вот думаю, может, не стоит иметь с ним дел... Этот аутсорс, проект... Мне и без него вполне себе ничего жилось. Как будто бы это может принести больше проблем, чем пользы. В личном плане. Ну вот мало ли что у этого дурака на уме.

Ага, что и требовалось доказать. Именно поэтому я не передаю Юльке чуть ли не дословно очередное мерзкое предложение Горина, направленное мне. Потому что она не только скажет, что бывший хороший друг — кошмарный тип, но и передумает с ним работать. А я знаю, как Пуртовой хочется небольшую юридическую фирму превратить во что-то крупное. Сотрудничество с «Эвентумом» — прямая дорога на большой рынок. К тому же Мирослава не было ни видно, ни слышно последние две недели. Возможно, действительно, он просто перебрал сегодня с градусом, поэтому повел себя как полная свинья.

Хотя не зря говорят, что у пьяного на языке, то у трезвого в голове. У него определенно ко мне какие-то личные счеты, раз он так со мной позволяет себя вести и говорит всякие гадости. Блин, кого я обманываю: между нами всегда было намешано куча личного, мы плавали в море непоняток, а когда на пятом курсе, вроде бы, причалили к берегу, Мирослав меня так спустил с небес на землю, что это впору мне ему козни устраивать.

Как можно из человека, с которым мы переписывались днями и ночами напролет, с кем имели кучу общих интересов и тем, трансформироваться в такого придурка? У меня просто в голове не укладывается, честно. Я клянусь, вот если он еще хоть раз ко мне подойдет, то... Ха, а что я тогда сделаю? Мне даже пожаловаться некому. Илье? Снова? Не его дело мои проблемы разгребать, у него есть жена и своя семья. Да, мы дружим очень хорошо, но границы всё же должны существовать.

Блин, как вспомню плотоядный нетрезвый взгляд Горина на меня и мое тело в частности, аж передергивает. Сама тоже дура, нарядилась... Вон и Тимур периодически смотрит, разглядывает, видите ли. С другой стороны, моя сегодняшняя одежда, кажется, даже воли фантазии не оставляла, всё слишком откровенно.

Дура, дура, дура...

У Юльки я переделалась в мешковатое платье-футболку ниже колен и с разрезами по бокам и теперь чувствую себя определенно комфортнее. Только Тимур уже не отстает, проявляет внимание. Как бы его так аккуратно бортануть, а?

— Не останешься у нас? — удивленно спрашивает Юлька, когда начинаю собираться домой. Я, правда, устала: ноги гудят, хочется развалиться в позе звезды на своей кровати, глянуть какой-нибудь сериальчик.

— Не-е-е, я в ауте уже почти, хочу к себе.

— Илья тебя завтра отвезет домой, ну чего ты?

— Юль, — чуть тверже произношу я, — У меня есть своя квартира, а у вас с Ильей — своя жизнь. Переставай меня опекать, правда.

— Да я вообще нисколько... в смысле, ничего такого и не имелось... — у подруги не получается толком закончить фразу, и я просто слабо улыбаюсь.

— Со мной действительно всё нормально, честно.

— Когда ты начнешь общаться с кем-то помимо людей, которых и так хорошо знаешь, а также выходить из дома не только на работу или к нам, тогда и поговорим.

Вздыхаю. Как насчет «никогда»? У меня нет никаких проблем или сложностей после развода, ну очевидных, по крайней мере. Я наслаждаюсь возможностью быть должной только самой себе, поэтому мне не жадется впускать кого-то в свою жизнь. Тем более какой в этом смысл, с учетом...

— Эй, Наташ, ты домой? — это в прихожую выходит Тимур. — Юль, я Илюхе сказал, что тоже поеду, поздно уже.

Мы с Юлькой киваем как два китайских болванчика, а Галиев нам обоим улыбается. У него приятная улыбка, открытая. Ничего такого, что могло бы насторожить.

— Тогда давай я тебя подброшу, — добродушно произносит в мою сторону.

— Ой, нет, я на такси, спасибо, — пожалуй, слишком быстро произношу я и краем глаза вижу, как у Пуртовой округляются глаза, а еще получаю от нее тычок прямо в ягодицу. Больно, между прочим.

— Да брось, Наташ, мне вообще не сложно, нафига такси. Обувайся пока, я перекурю быстро, и поедем.

А потом не дает мне и слово вставить, подмигивает Пуртовой и выходит за дверь. Я провожаю его взглядом, чувствуя, как внутри поднимается волна легкого раздражения. Не то чтобы Тимур мне неприятен — просто не хочу давать лишних ожиданий.

— Перестань вести себя как снежная королева, Галиев-то че тебе сделает? — Юлька подходит ближе, понижая голос.

— Он проявляет интерес, а я потенциально в любом случае не отвечу взаимностью, к чему тогда всё это?

— Блин, Иволгина, вы даже общаться не начали. Никто не заставляет тебя в постель к нему прыгать или замуж выходить. Мало того, тебе никто и ничего пока еще не предлагает вообще-то. Просто попробуй пообщаться. Ты же знаешь, что это будет полезно. Сама понимаешь, почему, — она делает акцент на последнем слове и двигает бровями, типа с намеком.

— Замуж мне никто и не предложит, — весело хмыкаю я, пытаюсь перевести все в шутку. — Он татарин, а я русская. Мы не созданы друг для друга.

— У Галиева современная семья, если что. Ой, кстати, красивые у вас, конечно, детки получатся. Ты подумай на досуге.

— Пока, Пуртова. Кажется, тебе пора баиньки, а то ты дуреешь, — хочу ущипнуть ее за бок, но она успевает увернуться.

Коза.

Сажусь в машину к Тимуру и чувствую себя максимально неудобно. Кожаные сиденья, приятный запах, чистота. Вообще он симпатичный парень, если смотреть объективно. Смуглый, собранный, крепко сложенный. Очень добродушный, как будто бы. Только вот я ему не подхожу по всем параметрам, — делаю вывод у себя в башке. А потом мысленно же смеюсь над собой: Пуртова права, мне вообще-то никто и ничего не предлагал, а я уже отказываюсь.

По дороге мы ненапряжно болтаем, в основном Тимур спрашивает про Сочи, где я провела почти год после развода. Я рассказываю про то, как родители кайфуют от жизни на побережье. Он слушает внимательно, иногда вставляет вопросы, не перебивает. Потом случайно заводим разговор про собственность, и оказывается, у Тимура на пару со сводным братом есть приличный участок земли. На который у него имеются планы, но отношения с условным совладельцем сложные.

Я отлично понимаю, к чему он ведет. Блин...

— Ты же юрист у Юльки на фирме, правильно?

— Знаешь же, что да, — мягко говорю я.

— Ну да. Слушай, может, тогда поможешь мне со всем разобраться? Не просто по доброте душевной, естественно.

Вот он какой ход делает. Я боялась, что он предложит мне встретиться на выходных, номер возьмет или скажет, что напишет в соцсетях. А он с такой стороны завернул. Не дурак, конечно, пошел более надежным путем. Будет странно отказать ему по работе, а если я это сделаю, то он всё равно к Юльке придет, попросит кого-то знакомого, и этим человеком всё равно окажусь я.

Замкнутый круг получится.

Его интерес ко мне очевиден, и я вижу, как он смотрит. Увлеченно, да, в том самом плане. Вот вечно так: то ни одного мужика на горизонте (не то чтобы я хотела), то сразу два. Ой, это получается я Горина посчитала? Вот идиотка. Вез бы меня сейчас этот озабоченный домой, уже бы предложил перепихнуться на заднем сиденье, вероятность максимальная.

— Так что? — вытягивает меня из мыслей Галиев.

— М-м-м, ну если нужно, то поможем, конечно. В понедельник будет удобно подъехать в офис?

Тимур кивает несколько раз. Слишком воодушевленно, пожалуй.

— Окей, давай тогда прямо с утра, к девяти подходи, у меня есть свободный слот. И дай свой телефон, я запишу мой номер. По возможности скинь, пожалуйста, в телегу фотки или скрины документов, которые у тебя на руках.

Тимур протягивает мне свой телефон, и я жду шутки про то, что вот красивая девушка сама дает свой номер, а значит это успех. Но он молчит, просто довольно улыбается. Я вбиваю свои контакты, возвращаю телефон.

Прощаемся с парнем, я благодарю, что он подвез меня прямо до подъезда, тот лишь отмахивается. И уезжает только когда за мной закрывается тяжелая входная дверь.

Уже в квартире, принимая ванную, думаю, что Юлька отчасти права: можно же воспринимать мое потенциальное общение с Галиевым как определенный эксперимент.

Кое-что хотелось бы, конечно, проверить. А точнее, убедиться в одном моменте.

Глава 13

Мирослав

Э-э-э, мне что делают процедуру трепанации черепа? Прямо, мать их, в эту самую секунду? Потому что если это не так, то подобной адской головной боли я другого объяснения дать не могу. Ну да, точно... так оно есть, правда, нафига мне сверлят дыры по всей башке, хрен знает. Однако если это всё происходит во имя будущего облегчения, то я на всё даю добро

С трудом разлепляю глаза и осознаю, что звук сверления трансформируется в сигнал будильника. В моей пострадавшей голове вихрем пронесется мысль о двух сегодняшних рабочих встречах, поэтому резко подбираюсь на кровати и хватаю телефон с тумбочки, дабы узнать хотя бы время. Может, даже день недели, мало ли. Экран режет глаза, приходится шуриться.

Семь утра. Какого хера тогда будильник звенит, мне ещё спать и спать. Но мозг уже проснулся и посылает в тело сигналы тошнيلовки. Мутит адво. Сознание запускает свою работу. Хах, точнее будет сказать — *осознание*: концерт, вискарь раз за разом, вип-лoжа, соседняя компания, Наташка Иволгина, коридор, блестки, безуспешные попытки донести до девушки что-то адекватное, дальше я иду нахер, снова вискарь — и бам! Полный отруб.

— М-м-м-м-м, — выдаю болезненный стон, откидываюсь на постели и закрываю глаза руками. Ну, я дома, и это уже успех. Хорошо бы ещё вспомнить, как я здесь оказался, но в башке просто темень. Клянусь, не имею понятия, когда последний раз так напивался. Наверное, лет в восемнадцать. Проблема в том, что я вчерашний вечер помню чуть ли не в мельчайших подробностях ровно до последнего опрокинутого бокала виски. Дальше — пропасть. Но лучше бы и не держать в башке весь прошлый вечер, блин. Это ж просто адский треш и позор!

Воспоминания одно за другим бьют по самолюбию, и с каждым новым кадром становится только хуже.

— Очнулся, алконавт? — в дверях спальни появляется брат, и я испытываю минимальное, но облегчение. То, что он меня привёз, это хорошо. Лучший, пожалуй, вариант из возможных.

Он протягивает мне шипучку от похмелья, и я с удовольствием присасываюсь к стакану. Пузырьки щекочут горло, и становится получше почти мгновенно.

Брату, конечно, респект.

— Выглядишь ты отвратно, — выносит свой вердикт Сашка и кривится в притворном отращении к моему виду.

— Я с тобой приехал?

— Если ты имеешь в виду, не я ли дотащил тебя, пьяного в говно, от «Сибирь-Арены» до квартиры, то да, покорнейше твой, Александр Акимов.

От его сарказма у меня только больше болит голова.

— Ярослава тоже здесь ночевала? — интересуюсь я. У меня вообще-то корыстные мотивы, ибо несмотря на плачевное состояние организма, я бы с удовольствием перекрыл похмелье какой-нибудь яишенкой с помидоркой. Уверен, что будь тут девушка брата, мне бы перепала какая-нибудь антипохмельная пища.

— Да щас, — отрезает Санёк, — на рожу твою пьяную ей смотреть ещё не хватало. Она дома.

— А ты че тогда остался? — интересуюсь я, хотя ответ уже очевиден.

— Боялся, что ты будешь блевать и задохнешься, — нехотя признаёт брат, чуть отводя взгляд.

Ну, это резонно вообще-то. Я бы остался по такой же причине.

— Ты мне будильник переставил?

— Я. Чтобы ты встречи отменил там или перенёс. От тебя перегаром за километр несёт, и вряд ли ты в принципе сегодня человек прямоходящий.

— Капец, — провожу ладонью по лицу, чувствуя щетину, которая тоже требует внимания. В глаза ещё будто песок насыпали.

— Мирослав, вали-ка ты в ванную уже, я что-нибудь на завтрак соображу.

— Яичницу с помидорами осилишь?

— Нет, блин, я ж у мамы debil, — закатывает глаза. — Осилю.

— Спасибо! — выдаю я куда более радостно, чем планировал. — Не только за будущий завтрак, за всё в принципе.

Сашка цокает, отмахивается, но я в очередной раз убеждаюсь, что иметь родного брата — это лучшее, что может быть. Друзья друзьям рознь, но вот родная кровь — совершенно другой уровень, иная история.

Сначала хочу просто умыться, но по итогу залезаю в душ полностью. Прохладная вода дарит относительную свежесть и ясность. А ещё — растущее чувство стыда за своё поведение, естественно. Смотрю на своё отражение в зеркале: серое лицо, красноватые глаза, синяки под ними — зрелище не для слабонервных.

Вылезаю из душа, кое-как натягиваю домашние штаны и футболку. Брат уже колдует на кухне, запах яичницы щиплет ноздри, и желудок активнее подаёт признаки жизни.

Сашка потягивает кофе и сверлит меня взглядом. Я не знаю, чего от него жду: вопросов, нравоучений, сочувствия. Но что-то сказать он точно собирается, молчать не станет. Сидит напротив, крутит в руках чашку, смотрит то сочувственно, то осуждающе, будто не может определиться.

— Ты придурок, Мирослав, — выносит он вердикт спустя минуты три.

— А давай наблюдения, о которых я не знаю, — иронизирую в ответ, но внутри всё сжимается. Потому что он прав.

— Неужели до тебя не допирает, что на Скрипе было примерно половина Новосиб, если не больше. Не буду удивлён, если в пабликах уже появились видео, где пьяного владельца «Эвентума» усаживают в машину.

Чёрт... Фак... об этом я вообще не подумал. Считал, что братец будет затирать мне про компанию своих друзей или про Иволгину. А тут — репутация. Деловая репутация, которая не появляется из ниоткуда.

— Мирыч, этот перформанс произошел из-за того, что Наташа твоя была на концерте. Что-то мужа я с ней не наблюдал, она вернулась в Новосиб окончательно? За ней ты выходил из вип-ложи?

О, как. Слишком большой поток вопросов подряд для моего непотрезвевшего мозга. Голова и так гудит, а тут ещё этот допрос с пристрастием.

— Осади, брат.

Все равно по итогу признаюсь Сашке, что это вообще-то была вторая встреча с Наташкой. И как и первая, она закончилась херово. Точнее, ещё хуже, чем та, что после собеса. А на третьей встрече тогда потенциально что произойдёт? Может, мне просто логичнее сквозь землю сразу провалиться, а? Про разговор в коридоре на концерте я тоже вещаю, видимо, меня прорывает окончательно. Слова льются сами, я не могу их остановить. Чем больше говорю, тем отвратительнее себя чувствую.

— Ты козел, что я могу ещё тебе сказать, — вздыхает брат и смотрит на меня искоса. Тут только какая-то усталая констатация факта.

— Собираюсь извиниться в любом случае, — пожимаю плечами. — Это не поможет, но хотя бы чувство вины своё подуменшу.

— Мирослав... — начинает Сашка, а я уже хочу свалить или просто тупо закрыть уши. Я знаю, что дальше будет. Мне достаточно одного подобного взгляда.

— Нет, давай не будем это обсуждать, — начинаю было я, но тщетно.

— Ты не думаешь, что это возможность? Как у нас с Ярославой... Главное же не просрать, ты мне сам говорил. Понимаешь, есть все шансы...

— Мне это не нужно, — отрезаю я, поднимаюсь с места и загружаю тарелки в посудомойку, клацаю посудой, не глядя на брата.

— Уж мне-то можешь не врать, я же знаю вашу историю.

Понимал же, что так будет. Если Саньку удалось заполучить Ярославу и жить с ней потенциально долго и счастливо, хотя там шанс был один к ста, то типа и у меня может сработать. Да и ситуации похожи. Уверен, что брат проводит параллели, думает, что у нас семья капец каких однолюбов, которые раз помешались на одной девке, то этого уже не изменить. Либо добиваться, либо страдать без любви. Только вот у меня не так. Хотеть и любить — разные вещи. Да и иногда определённое мало-мальски общее прошлое, наоборот, губит всё на корню. У нас с Иволгиной именно так. Бегать за ней, пока она то подаёт неоднозначные сигналы, то тупо воротит нос, то вообще кидает в ЧС без объяснения причин в день свидания — это, блин, себя не уважать. В почти двадцать восемь лет я такой хернёй страдать не буду. Суть в том, что я и не хочу.

Признаю: то, что я ей наговорил за две последние встречи — это где-то низко и не по-мужски. Днище просто. Отец, если бы был жив, по голове бы меня за такое не погладил. Он учил меня другому, да и пример иной всегда показывал. Низменные желания всегда можно удовлетворить, меня просто морок какой-то настиг, реальность исказилась. Иволгина всегда на меня так влияла, превращала в неадекват, но если раньше я просто как собачонка вечно возвращался, ища одобрения хозяйки, то в этот раз ебнулся по части ниже пояса. Надо брать голову в руки, а члену не позволять управлять мозгами.

Брат ещё делает попытки воззвать к чему-то высокому и светлому, я, правда, не могу особо на него раздражаться, понимаю, что он воодушевлён Ярославой на максимум, да и желает мне лучшего. Но остальные попытки поднять тему Иволгиной пресекаю. Договариваемся, что я приеду к Саньке с Ярой на ужин сегодня вечером. Искренне надеюсь, что они не начнут насадать мне на уши уже вдвоём.

Провожая брата, запираю дверь и остаюсь один в пустой квартире. Тишина давит на уши. Понимаю одно: надо бы извиниться, конечно, ну, перед Натали уж точно. Сделаю это в понедельник, всё равно поеду к Юльке в офис по поводу сотрудничества. Там и пересекусь с Иволгиной, договоримся, что будем держаться друг от друга на максимальном отдалении. Её это устроит точно. А вот мой член определённо воспротивится, потому что даже сейчас, при мысли о Натали и её вчерашнем корсете и коротком платье, он жаждет оказаться к ней поближе. Тело предательски откликается, и я шиплю от злости. На себя. На эту дурацкую реакцию, которую сложно контролировать.

Боже, чем я вообще думал, когда вознамерился закрыть гештальт в отношении секса с Иволгиной, чего бы мне это ни стоило? И главное, какого хрена её присутствие превращает меня в озабоченного идиота?

Глава 14

Мирослав

Утро понедельника, да и любого дня, начинается с кофе — для меня по крайней мере точно. Если я не волью в себя примерно поллитра американо, то ничего умного или хотя бы здорового от меня ждать не стоит. Кофеин — мой персональный проводник в мир адекватности, без него я тупо зомбак, умеющий только моргать и дышать. В десять утра у нас подписание контракта с фирмой Юльки, на часах двадцать минут девятого, а я уже почти на месте. Хотел успеть ещё раз обсудить всё с глазу на глаз с Пуртовой, вдвоём, пока не приедет юрист и другие сопровождающие сделку с нашей стороны. Понимаю, что для бывшей подруги это первое такое крупное сотрудничество, уверен, что она переживает и волнуется — сам не так давно был на её месте. А мы как-никак всё же не чужие друг другу люди, ничего не стоит ещё раз подбиться по всем пунктам договора заранее и без свидетелей.

Что касается Иволгиной... я, конечно, понимаю, что нужно извиниться и, наверное, даже почти намерен это сделать, просто мой запал в этом вопросе с субботы, так скажем, подутих, энтузиазм куда-то улетучился. Переиграл: типа если пересекусь с ней случайно — попрошу прощение за своё поведение, если не увидимся — ну и ладно. В любом случае с этим помутнением рассудка надо бороться, а встречи и разговоры, наоборот, будут подпитывать всякий раз мою странную нижепоясную одержимость.

Замечаю известную в нашем городе сетку кофеен недалеко от выхода из метро и Юлькиного офиса, чуть ли не вслух произношу «аллилуйя» и спешно паркуюсь рядом. Кофеин, родимый, вот мы и встретились! Руки сами тянутся к дверной ручке, внутри уже разливается предвкушение того самого первого глотка обжигающей бодрящей жидкости.

Заказываю любимый американо, но бариста просит меня подождать минут пять-десять, потому что идёт настройка терминала. Ни карту пока приложить нельзя, ни QR-кодом воспользоваться, а налички у меня в принципе не имеется под рукой. В целом я никуда пока не тороплюсь, несколько минут мне погоды не сделают, поэтому облакачиваюсь на высокий столик в отдалении и залипаю в телефон.

— Малиновый латте, пожалуйста, — слышу знакомый голос и резко разворачиваюсь.

— У вас оплата картой или наличными? — спрашивает бариста.

— Картой.

— Девушка, буквально две минуты нужно подождать, система подгрузится, и вы сможете оплатить. Я пока начну готовить ваш кофе. Хорошо?

— Да, без проблем.

Ну конечно. Как только я решаю для себя, что не пересекаться с Иволгиной — это лучший вариант развития событий, всё идёт через одно место. Вселенная, видимо, решила надо мной посмеяться. У неё отличное чувство юмора.

Блин, Иволгина ещё красивая, как всегда, просто до жути! Так давно её нормально не видел, что за фактически уже третью встречу до сих пор не могу привыкнуть и в принципе нормально реагировать на неё. Хотя бы нейтрально. Вся она такая ладненькая, аккуратненькая, стройная. В белом костюмчике с юбочкой и красивой блузочкой. Опа, там ещё клубнички вышиты на обоих предметах одежды. Серьёзно? *Клубнички?* Я не знаю, как к этому относиться — то ли умиляться, то ли окончательно с ума сходить. Блин, да она смотрится лет на девятнадцать максимум, прям девчонка совсем. несмотря на то, что мы ровесники, я очень сомневаюсь, что выгляжу хотя бы на свой возраст. Обычно мне дают тридцатник.

Короче, залипаю стандартно: на волосы, личико, ножки загорелые, которые сегодня в обуви на плоском ходу. Кровь разгоняется, я прям чувствую, как сердце активнее качает её по венам. Интересно, если бы это была другая красивая девушка, не Наташка, например, реакция

была бы примерно похожей или несколько отличалась бы? Провести эксперимент, что ли? Хотя нет, не хочу. И результат я и так знаю: с другими я контролирую себя. С ней — всё к черту.

— Молодой человек, можно оплачивать, — подзывает меня бариста, я подхожу и прикладываю карту к терминалу.

Следом просьба об оплате раздаётся уже по отношению к Иволгиной, но я в очередной раз использую свою карту. У девушки-баристы появляется на лице немного непонимающее выражение, хотя мне думается, что довольно много мужиков делают такой ход, чтобы познакомиться с понравившейся дамой. Так что ничего удивительного. Я заплатил за латте Иволгиной, подумаешь

Натали прослеживает за моей рукой, потом поднимает взгляд своих светло-карих глаз, и я отмечаю в них резкое узнавание и кромешную досаду. Натали меня слегка удивляет: забирает свой латте, благодарит баристу, дарит ей милую улыбку — такую тёплую, искреннюю, — и направляется к выходу.

Ну, я ждал реакции похуже: что она плеснёт мне кофе в лицо или попросит меня засунуть свои деньги за её напиток в мою же жопу. Короче, что-то в таком духе. А куколка просто уходит. Не обращает внимания. Будто Мирослава Горина не существует в природе.

Не успеваю по-джентльменски открыть дверь — девчонка уже оказывается на улице. Просто следую за ней, потому что мне кажется, что прикасаться к девушке, чтобы даже осторожно остановить за локоть, это чревато и опасно. Вечер пятницы ещё особо свеж в памяти, не хочется повторять ту же ошибку.

— Наташ... — начинаю я.

Она молчит и мчится вперёд со скоростью электровеника. Для такой миниатюрной девочки она очень быстро ходит, я хочу сказать... Каблуки бы ей явно сейчас не помешали: с ними разгон уже не тот. А так приходится мне самому поспешить.

Ладно, мы не гордые. Я же обещал себе, что извинюсь, если мы с Натали случайным образом пересечёмся. Ну значит, как бы без вариантов получается. Опережаю её на несколько шагов, разворачиваюсь и иду спиной вперёд, глядя на девушку. Рискованно, конечно, — можно запнуться и рухнуть жопой об асфальт, чем окончательно укрепить её мнение в моей неадекватности. Натали закатывает глаза и пытается меня обойти, я не даю. Спустя несколько попыток она резко останавливается и дарит мне взгляд, полный злобы. Зато хотя бы дальше перестаёт играть в молчанку.

— Что опять? Предложишь вернуться в кофейню и перепихнуться там в туалете? Или у тебя тут тачка недалеко, и ты хочешь мне предложить на заднем сиденье по-быстрому? А, или может, прям на улице перформанс устроим?

Её голос сочится ядом, но в нём слышится и обида. Она, блин, устала от моих очень таких прямых предложений за две встречи после пяти лет молчания.

Кстати говоря, тачка у меня действительно в двух шагах, но об этом я предусмотрительно молчу. Разговор не располагает к подобным шуткам.

— Наташ, да погоди ты, я хотел извиниться.

— Ну?

— Что «ну»? — не догоняю я.

— Говори своё «прости» и дай мне пройти, я вообще-то на работу спешу.

Наклоняю голову набок и стараюсь придать лицу максимально безобидное и раскаивающееся выражение. Видится мне, что у меня получается, потому что Иволгина чертыхается, небрежно хватая меня за локоть с удивительной силой для такой малышки, и отводит в сторону от тротуара. Скорее всего, чтобы просто людям не мешаться — пара человек уже гневно зыркнули на нас за то, что мы стояли посередине дороги.

Мы оказываемся у входа в небольшой скверик, а я всё ещё как последний придурок ощущаю фантомное прикосновение тёплых пальчиков Наташи к своей руке. Кожа покалывает в том месте.

— Долго мы тут будем стоять просто так? — недовольно тянет Иволгина и разве что на часики не смотрит и ножкой не притоптывает.

— Я вёл себя как придурок, — начинаю я.

— Это в какой именно раз? — язвит девушка напротив.

— В оба, — просто признаю я. Глупо отрицать очевидное. — Послушай, Наташ, не знаю, что на меня нашло, это было недостойно, плохо, мерзко. Мне жаль, что тебе это пришлось выслушать и вытерпеть. Ты же знаешь, что я обычно себя так не веду, — зачем-то добавляю я. Сам не знаю, к чему.

— Нет, Горин, я тебя совершенно не знаю. Миллион лет прошло, люди зачастую меняются не в лучшую сторону. Ну, практика показывает, как минимум.

Киваю. Это она на меня намекает. Ну а что мне ещё сказать тут? Мы были знакомы — да. Общались — да. Но и вправду же прошло время

— Короче, прости, серьезно. Я больше ничего подобного себе не позволю. Да и вообще мы можем и не общаться, не пересекаться.

Наташка хмыкает и потом сразу смеётся, но как-то не по-доброму.

— Можем? Ты не шутишь? О, ну спасибо, что разрешил, Мирослав, — она саркастически кланяется, а я морщусь. — Вот век не забуду твоей милости.

— Наташ...

— Знаешь... — она на секунду стопорится, отводит глаза, как будто сомневаясь, продолжать ей дальше фразу или не стоит. Я замечаю, как девушка нервно мнет свою юбку. — После того, в смысле... после определённых событий на пятом курсе мне казалось, что тебе даже заговорить со мной будет... ну, скажем так, неудобно... А оно вон как, ошиблась я, получается. Или ты подзабыл

Меня пробирает холодом, несмотря на тёплое июньское утро. Определённые события — это когда *она* отменила наше свидание? То самое, к которому мы шли, блять, почти пять лет?! Когда мне казалось, что у нас всё максимально взаимно, когда я там мысленно уже предложение ей делал на этом же первом, сука, свидании за аж пять лет френдзоны? А? Она говорит об этом так, будто я был в чем-то виноват. Будто это я всё испортил. А не она самолично блокнула меня без единого объяснения.

Натали, видимо, как-то по-другому трактует моё замешательство, потому что только фыркает и делает судорожный глоток кофе. Я повторяю за ней, только уже со своим американо. Горький, горячий. В самый раз под настроение.

— Сам себя не понимаю, — почти шепчу в ответ, а моя девочка кривит свои красивые губки.

Ладно, похер. Во-первых, действительно, прошла куча лет. Во-вторых, это я в обе случившиеся встречи вёл себя объективно неподобающе, хотя считаюсь взрослым и серьёзным человеком. Ну и в-третьих, я всё-таки мужик. Должен уметь признавать ошибки, к тому же на обиженных (тем более на давнее прошлое), как говорится, воду возят.

— Ты же знаешь про сотрудничество с Юлькой, верно? — быстро переключаюсь на другой виток темы.

Девушка в ответ просто слабо кивает, будто через силу.

— Я хочу наладить с Пуртовой не только рабочие отношения, но и дружеские тоже. Со временем и насколько это возможно, — сразу обозначаю я свою позицию. — Это не секрет, я как бы это и не скрываю. Мне хочется возобновить общение со всей оставшейся прошлой компанией

— Неужто Горин решил искупить грехи прошлого... — снова неприятно иронизирует Иволгина.

— Ну перед тобой за мной подобных не тянется, а извинения за своё недавнее поведение я уже принёс, — отвечаю я, пожимая плечами.

Моя собеседница вспыхивает и хмурится, постукивает тонкими пальчиками по своему стаканчику.

— Знаешь, Горин, — устало говорит она. — Мне без разницы, какие у тебя там намерения по отношению к семейству Лансковых. Даже если вы восстановите приятельские отношения — флаг вам в руки, как говорится. Меня только, ради Христа, не трогай. Твоё неадекватное внимание мне не упало. Договор?

Это звучит крайне грубо, но объективно. Она же права по факту. Испытываю ли я глухое раздражение сейчас? Да, это так. Чего я в целом хотел добиться извинениями? Хрен знает. Договорённостей не замечать друг друга, наверное. Только в моей голове всё это было облечено в более приемлемую форму диалога.

— Договор, — подтверждаю я, подкрепляя это кивком головы. — До офиса с тобой хоть можно дойти? — интересуюсь заодно. — Мне всё равно туда же.

— Если вести светскую беседу нам теперь необязательно, то вперед и с песней, — пожимает плечами, не смотрит на меня и движется в направлении своей работы...

Мы идём минут пять в абсолютном молчании. Гробовом, я бы сказал. Мне некомфортно, ей неприятно, но мы зачем-то терпим эту вынужденную совместную прогулку. Я слышу её дыхание, периодически до меня доносится приятный аромат парфюма. Блин, вот я мог бы развернуться, сесть в машину и доехать до парковки бизнес-центра, в котором расположена Юлькина фирма? Да. Запросто. Но я почему-то иду с куколкой рядом. Сам не знаю зачем.

Уже на подходе к офису у Наташки звонит телефон. Она достаёт его из сумочки, смотрит на экран, и её лицо неуловимо меняется. Становится... мягче, что ли?

— Да? А, Тимур, привет! Я уже подхожу, ага... Да, вот я тебя вижу, обернись просто... Ага...

Она чуть ускоряет шаг и направляется к какому-то парню, стоящему на парковке и убирающему телефон в карман.

Узнаю его. Это один из друзей Ильи Ланскова. Да, точно, Тимур. Мы встречались пару раз на общих сходках давным-давно, но толком никогда не общались. При виде Натали он оживает, окидывает её восхищённым взглядом с головы до ног. Понимаю, чувак. Очень даже тебя понимаю. Лыбится как роза майская. Потом замечает меня, явно пытаюсь установить логику того факта, что мы с Иволгиной пришли вместе.

Я же стараюсь понять, какого хера он тут делает с утра пораньше. У меня-то понятно — работа. А этот перец чего прохлаждается? Черт! И вот я опять наступаю на одни и те же грабли: мы с Натали только что договорились не пересекаться по возможности, типа никому из нас это не на руку. Но я вижу её с другим мужиком и начинаю гадать: в каких они отношениях? Зарождающихся? Уже текущих? Никаких? Эти мысли лезут в голову против воли, и я не могу их остановить. Тупая, дурацкая, неконтролируемая ревность. С которой я ничего не могу поделать.

— Мирослав, — протягивает мне руку для приветствия Тимурчик. — Какими судьбами?

Говорю ж, мы шапочно знакомы. А именно: мне известно, что он Тимур, он в курсе, что я Мирослав. На этом всё.

— «Эвентум» с фирмой Лансковой сегодня контракт заключает, — отвечаю я, пожимая его протянул ладонь.

— А-а-а, понятно... — говорит Тимур.

И что же тебя, блять, понятно? Что на твою красоту в короткой юбочке с вышитыми клубничками никто не посягает? Держи карман шире.

— Я тоже по делу здесь, нужна юридическая консультация, Наташа вот помогает, — зачем-то уточняет он детали.

Поздравляю от души. Мне-то что с этого? Ничего. Абсолютно. Но внутри уже подгорает. Я представляю, как они будут сидеть в её кабинете, обсуждать его дела, она будет улыбаться ему — не той язвительной почти что гримасой, которую дарит мне, а по-настоящему, тепло. Ну, конечно, хорошие Тимурчики явно не втирают девушкам так сразу, что хотят с ними перепихнуться. Зато готов спорить, что мысленно он уже отымел Натали во всех позах, по глазам его вижу.

В итоге я киваю им обоим на прощание и захожу в здание, а Натали остаётся с Тимурчиком, который докуривает сигарету. Рядом с ним она не выглядит напряжённой.

Да и похрен. То, что я сейчас чувствую, — это непонятная, нерациональная и глупая ревность. Как и всё, что я когда-либо испытывал к Иволгиной в принципе.

А с глупостями надо бороться. В двадцать семь лет пора бы уже зарубить это на носу.

**В мой тг-канал natachitaetipishet выложила пост с образом Наташи Иволгиной из этой главы.*

Глава 15

Наташа

— Наташ, спасибо тебе огромное, правда, ты очень помогла, — улыбается мне Тимур, поднимаясь с кресла. У него открытая, искренняя улыбка, без тени заигрывания или чего-то лишнего. И почему-то именно это меня немного напрягает. Слишком правильный он, этим, скорее всего, противоположный пол и заинтересовывает.

— Да брось, мы же только разобрались в документах. Если обойдется дело досудебным урегулированием, это уже будет большим успехом. Отпишешься, как пройдет разговор?

— Э-э-э, да, но я думал, может, завтра к тебе заскочу, чтобы обсудить дальнейшие шаги? — осторожно закидывает удочку мужчина.

Пу-пу-пу... С одной стороны, я же не глупая, понимаю, что Галиев просто хочет находиться в активном контакте с явно понравившейся ему *мною*. С другой стороны... проблема, с которой он пришёл, не выдуманная. Действительно, дело непростое, сомнительно, что родственник пойдёт ему навстречу. И фактически от меня требуется лишь выполнить свою работу.

— Да, конечно, заходи. Сможешь в то же время?

Тимур улыбается и активно кивает, затем машет мне рукой на прощание и удаляется из кабинета.

Откидываюсь на спинку рабочего кресла в легком облегчении. Потому что мне не совсем комфортно от его внезапно возникшего внимания. Хотя Галиев ведёт себя просто как образец галантности: никакого напора, никаких сомнительных предложений, даже по типу *«просто выпить кофе»*. Потому что человек он продуманный и понимает: от того, что мы с ним пообщались два раза, искра внезапно не вспыхнет. Действует, в общем, очень осторожно. Выверенно, я бы сказала.

Честно говоря, мне, как маленькой, хочется засунуть голову в песок и передать эту задачу какому-нибудь другому юристу из фирмы. Юлька, конечно, не одобрит, но настаивать на обратном не будет. Убеждаю себя в том, что принимаю правила игры Тимура только ради чистоты эксперимента, который по факту даже ещё не начался. Как раз именно потому, что мужчина никуда не спешит...

— Наташ, — в мой кабинет без стука врывается наш администратор, — там твою машину слегка поцарапал какой-то водитель и скрылся с места происшествия. Вроде, даже небольшая вмятина есть. Но охранник сказал, что камеры всё зафиксировали и он вызвал службы.

— Чёрт, — прижимаю руку ко лбу, пытаюсь унять раздражение, которое накачивает горячей волной. — Лиза, у меня ведь нет клиентов до обеда, верно?

— Да, — подтверждает девушка.

— Тогда скажи Юле... хотя нет, погоди, я сейчас сама к ней зайду, сообщу, что мне надо отойти.

Терпеть не могу машины и водить в принципе. Да, у меня есть права — в первый год брака получила, потом муж купил мне машину, на которой я особо не ездила. После развода я тачку в новую жизнь не утащила, хотя она была оформлена на меня и бывший не претендовал. Мне тупо от него ничего вообще не надо было, лишь бы никогда не пересекаться.

Я отвратно ориентируюсь на местности, фигово вожу, потому что у меня, как мне кажется, хромает скорость реакции. Да и права я, честно говоря, получила не прям уж сама. Нет, я сдала теорию, площадку, город. Просто на некоторые мои промахи закрывались глаза — вот и всё. Инструктор, помню, вздыхал, но подписал все бумаги. Сказал: *«Девушка, вы старайтесь, но первое время лучше с опытным водителем ездить»*. Я старалась, правда, но вождение приносило только внеочередной стресс, которого у меня и так было полно и без этого занятия.

На состоявшийся развод и последующее возвращение в родной Новосиб родители подогнали мне машину, папа настаивал. Мол, раз есть водительское удостоверение, надо им пользоваться. В прошлый четверг, ещё до концерта Скриптонита, я была в настроении и решила прикатить на работу на тачке. Ну чем чёрт не шутит! В итоге прокляла всё и всех: еле доехала, пропотела раз десять, чуть не вмазалась в бордюр на парковке. Руки тряслись так, что я полчаса потом сидела в машине и просто дышала. Так она и стоит на парковке бизнес-центра уже пятый день, получается.

А теперь придётся, скорее всего, просить Илью помочь разобраться со всеми вопросами, потому что я нифига не понимаю, а больше обратиться мне тупо не к кому. Папа в Сочи, мама там же, а из друзей, которые могут помочь, Илья — самый близкий. Ох, надо же ещё выйти и глянуть, насколько там вообще с машиной всё плохо...

Залетаю в кабинет к Юльке, будучи уверенной, что она давно освободилась, и слышу обрывающийся смех. Они с Гориним сидят на диване и явно предаются всяким школьным воспоминаниям. У обоих такие расслабленные лица, будто не было кучи лет обиды. Это несколько выводит меня из колеи, откровенно говоря. Нет, я не могу осуждать Пуртову. Мирослав, конечно, говнюк, но обеспечил её крутым сотрудничеством, да и он мне сам не далее как сегодня утром сказал, что нацелен вернуть приятельские отношения с бывшей подругой.

Что ж... у него отлично получается, раз они тут остались поболтать о былом.

— Простите, — спешно говорю я и разворачиваюсь, чтобы выйти за дверь. — Юль, мне надо отойти ненадолго.

— Что-то случилось? — обеспокоенно произносит Юлька, вставая с дивана.

— Нет... то есть да. Мне сказали, что мою машину поцарапали на парковке и скрылись, — на этих словах я боковым зрением вижу, что Горин поднимает взгляд от своего телефона. В глазах мелькает что-то — то ли любопытство, то ли раздражение. — Можешь позвонить Илье? Я понятия не имею, что в таких случаях делать, — вздыхаю я. — Только с юридической стороны вопроса.

— Бли-и-и-ин, — тянет Юлька, и я вижу, как она быстро прокручивает в голове варианты. — Илья свалил в Барнаул сегодня утром по делам, — она достаёт телефон, — Давай я наберу его отцу, он быстро примчит... или, слушай — она обращает взгляд на третьего в этой комнате, — Мирослав, помоги, а?

Горин с явной неохотой подбирается. Я вижу, как его плечи напрягаются, как он медленно переводит взгляд с Пуртовой на меня и обратно. Взвешивает. Оценивает. И явно не в восторге от предстоящей перспективы.

— Кхм, ну просто надо вызвать инспектора ГИБДД по-хорошему, он приедет, зафиксирует повреждения, — разводит он руками. Будто объясняет прописные истины ребёнку.

— Это я и без тебя знаю, охранник уже вызвал, — максимально холодно отвечаю я. Мне его снисходительный тон тут не всрался.

— Так потом тачку надо будет в любом случае отогнать в сервис, — осторожно произносит Юлька, отводя взгляд от меня. — Вот с этим, Мирослав, помощь и нужна.

— В смысле? — не понимает он. И в его голосе я слышу искреннее недоумение. Будто он не может поверить, что кто-то не справляется с такой элементарной задачей.

— Забей. Юль, я сама доеду потом, — проговариваю сквозь зубы, чувствуя, как внутри клокочет закипающая ярость.

— Ага, чтобы тебя потом опять откачивать пришлось полдня, нет уж, — восклицает подруга.

— Я по-прежнему не догоняю, — продолжает сверлить нас обоих непонимающим взглядом Горин. Он реально не сечет. Или же делает вид. С него станется.

Разворачиваюсь к нему достаточно резко и, скорее всего, моя юбка слегка приподнимается, потому что на секунду его взгляд фиксируется на моих ногах. Я замечаю это — как рас-

ширяются его зрачки, как он на мгновение теряет нить разговора. Правда, мужчина сразу же поднимается с дивана и засовывает руки в карманы, бросая выжидающий взгляд уже на моё лицо.

Козёл.

— Я хреново вожу, ясно тебе? Недавняя попытка закончилась трясущимися руками и корвалолом. Достаточно понятно? — говорю, чеканя каждое слово.

— Кристально, — отвечает мне грубоватый мужской голос. А потом добавляет: — Ну есть эвакуатор как бы для таких кхм.. случаев.

Юлька дарит ему уничтожающий взгляд. А я испытываю какой-то чуть ли не испанский стыд. Потому что ситуация выглядит так, будто мы тут с Юлькой совместными усилиями склоняем кисейную барышню в лице Мирослава к какому-то непотребству, а он ни в какую не поддается.

Горин прекрасно осознает, что если сейчас не пойдёт и не спустится на чертову парковку, чтобы посмотреть, что с машиной, при необходимости поболтать с инспектором и потом отвезти тачку куда ему скажут, то Юлька ему голову отгрызет. Ну или как минимум повторения приятельского диалога больше не будет. А ему это нужно — я вижу, как он цепляется за каждую возможность вернуть расположение подруги.

Поэтому натужно кивает и направляется в сторону двери.

— Юль, — развожу я руками, когда он выходит. — Ну вот нафига...

— Ты идёшь или нет? — эту фразу мне в спину бросает неприятный Горин, даже не оборачиваясь.

— У меня встреча через десять минут, не могу присоединиться, прости, — складывает руки в умоляющем жесте подруга. — Мирослав поможет.

В крайней степени раздражения выхожу за дверь. Ещё замечаю, что наш администратор Лиза мечтательно провожает Горина взглядом. От накалившей злости хочется кинуть в неё чем-нибудь — ручкой, например, — чтобы ещё непременно так в лоб угодить.

Я семеню за Мирославом, который даже не оборачивается. Шаг у него широкий, уверенный, и мне приходится почти бежать, чтобы не отставать. В том числе мужчина не сбавляет скорость, когда я уже в третий раз спотыкаюсь и моя нога вылетает из балетки. Ему все непочем. Вот придурок, блин. Мог бы и подождать, знает же, что у меня *«короткий ножска»*, а он как жираф вышагивает.

Удивительные метаморфозы Мирослава Горина, что тут ещё скажешь. Не ПМС ли у него случаем, а? То зажимает меня у себя в переговорке, то секс прямым текстом предлагает, то извиняется и платит за кофе, говорит, что вёл себя как придурок и обещает минимизировать пересечения. А теперь прётся на парковку как на каторгу. Как будто я его заставила! Как будто мне это надо!

Вот больной! И не нужна мне его помощь, блин! Почти догоняю его, собираюсь ему об этом заявить, даже рот открываю уже... Но в очередной раз поскальзываюсь подошвой балеток по дебильному покрытию пола в бизнес-центре и чуть не прикусываю язык от усилий просто не свалиться мешком на лестнице. Сердце ухает в пятки, руки машинально хватаются за воздух.

И почему в этом здании такая скользкая плитка?

Глава 16

Мирослав

Стою и слушаю инспектора, на автомате кивая и иногда вбрасывая какие-то фразы. Рядом со мной мнетя Иволгина. Слишком близко, пожалуй. Потому что до меня то и дело долетает сладковатый аромат ее духов, и клянусь, мне хочется обладать способностью не дышать. Вот если бы мне прямо сейчас предложили выбрать любую суперспособность, я бы отказался и от чтения мыслей, и от умения летать, да и от всего, на что там обычно выбор падает теоретически. Лишь бы мои рецепторы не будоражил этот притягательный, сводящий с ума запах Натали. Она пахнет чем-то фруктовым, но не приторным — от этого аромата у меня внутри всё переворачивается, а мозг перетекает в штаны.

Чёрт, кажется, я прослушал половину того, что говорил инспектор. Мужчина что-то вещал про протокол, про сроки, про какую-то бумажку. А я стоял и тупо пялился в пространство, вдыхая этот чертов запах.

— Хорошо? — спрашивает он меня, выводя из ступора.

Тупо киваю, понятия не имея, что тот только что сказал. Надеюсь, я не дал случайным образом согласие пожертвовать пол-ляма на благо ГИБДД.

— Мы тогда вам перезвоним, как только будут какие-то детали, — максимально незаинтересованно заканчивает инспектор, глядя на меня.

— М-м-м, не мне, ей, — указываю рукой на Иволгину, — это машина девушки.

Инспектор хмурится, явно осознавая, что ему придется иметь дело с очередной дамой, ничего не смыслящей в его работе. На его лице появляется то самое выражение — смесь снисходительности и легкого раздражения, которое так бесит всех женщин без исключения. Наташа, конечно же, верно считывает взгляд этого мужика и начинает возмущенно сопеть. Ну, кажется мне, она еще покажет ему кузькину мать и поразит идеальным знанием законов.

Может, в машинах она не разбирается, ездить ни фига не умеет, зато свою работу знает точно.

Видимо, администратор, доложившая Натали о проблемах с тачкой, слегка недопоняла масштабы бедствия. Я ожидал увидеть какую-нибудь царапину или вмятину на бампере. А тут — нормальная такая царапина во всю дверь и заднее крыло. Краска содрана, металл кое-где видно. Серьезный ремонт, как минимум покраска двух элементов. Да и геометрию двери надо проверить.

Я откровенно не хочу с этим всем разбираться и помогать. Не потому что я урод, честно. Просто рядом с Иволгиной мне отчего-то начало башню похуже сносить, чем пять или даже все десять лет назад. Поэтому мы и договорились, что лучше не взаимодействовать. Ну, точнее, это я к такому выводу пришел, а у Натали такое поведение со мной из разряда само собой разумеющегося. К тому же с Юлькой получилось сегодня нормально по-человечески пообщаться, она была настроена на дружеский диалог после подписания контракта. Если я начну лезть к ее подруге, похерю всё стопроцентно.

Что мне важнее? Унять боль в переполненных яйцах или восстановить дружбу с прошлой компанией? Ответ, по-моему, очевиден.

С другой стороны, если я сейчас откажусь помогать девчонке, та вернется в офис и расскажет Юльке, какой я придурок. Так что тут я снова окажусь в пролете. Без вариантов.

Не хочу даже смотреть на Натали, стоящую рядом, ибо глаза у меня сразу спускаются к ее слишком короткой юбке. Ну вот нахрена так одеваться, спрашивается? Хоть блузка закрытая, и на том спасибо. Я понимаю, лето, тепло, все дела, но можно же подлиннее вещи подбирать, а? Или она специально? Чтобы привлечь чужое внимание? Например, Тимура того же.

Блин, у меня слабость к миниатюрным вредным брюнеткам в принципе, а уж с такой фигуркой... и говорить не о чем. Она стоит рядом, и я чувствую тепло ее тела, даже не прикасаясь. Это какая-то магия на грани идиотизма.

И всё же она похудела... не сильно, но заметно. Скулы чуть острее, ключицы больше выступают, талия тоньше. Хм

— Мирослав, м-м-м, спасибо, конечно, но не стоило тебе тут торчать. С инспектором я бы разобралась сама.

Да-да. То-то же ты молчала в тряпочку, и диалог вел я. Стояла как мышка, только сопела.

— Машину тоже сама отгонишь в сервис, я так понимаю? — выгибаю бровь.

— Ничего страшного не случится, если она здесь еще какое-то время постоит, — вспыхивает Натали.

— Тебе русским языком сказали, что нужно произвести оценку повреждений в ближайшее время...

— Да, но ты не единственный человек в Новосибирске, который умеет водить, Горин, — самодовольно складывает руки на груди противная девчонка. Грудь от этого жеста становится еще заметнее, и я с трудом отвожу взгляд.

Делаю вид, что оглядываюсь по сторонам, а потом развожу руками. Вокруг — ни души.

— Это так, но что-то я не вижу здесь толпы желающих, готовых тебе помочь.

— На что это ты намекаешь? — в раздражении делает шаг ближе Наташа.

Я отступаю. Инстинктивно. Этот жест девушка улавливает, сразу тушует и губы свои красивые дует. Смотрит на меня с подозрением и обидой одновременно.

— Давай, Наташ, ты как-нибудь потом повыпендриваешься, а? Гони ключи и поехали.

— А ты не можешь... — начинает Натали, как-то резко теряя весь свой боевой запал. Голос становится тише, неувереннее.

— Один всё сделать? — договариваю за нее я. — Да с хера ли? Оформляться в любом случае тебе, забирать тачку тоже.

Она бросает мне ключи (нет чтобы в руки нормально передать), кидает сумку на заднее сиденье и забирается в тачку. Я же со вздохом глубочайшего смирения со своей участью проклинаю Юльку, мои цели с ней заново сдружиться и открываю водительскую дверь. Еле усаживаюсь в тачку и сразу регулирую кресло, потому что оказываюсь грудью прижат к рулю. Тесно, как в консервной банке.

— Неужели ты такой гном? — выдаю не задумываясь. Её кресло отодвинуто на самый максимум вперед, я едва помещаюсь.

— Неужели так сложно не быть козлом? — отвечают мне с соседнего места язвительно.

Я поворачиваю голову вправо и мысленно чертыхаюсь. Лучше бы она сумкой прикрыла ноги свои, а теперь всё еще больше напоказ. Юбка задралась, когда она садилась, и открывает вид на стройные бедра. Взгляд приковывают ее острые коленки, и я представляю, как одной рукой веду машину, а вторая путешествует по ее ноге выше, быстро оказываясь под юбкой. Находит трусики, сдвигает их в сторону...

Чёрт! Говорю же, мной в абсолюте управляет член. Что допустимо в семнадцать, но никак не в двадцать семь. Так, надо отвлечься. Срочно. Иначе я въеду в столб.

— Нахера тебе тачка, раз ты фигово водишь? — интересуюсь я, глядя строго на дорогу.

— Папа решил, что нужна, раз есть права, — тихо отвечает девушка, рассматривая свой маникюр.

— Что-то не помню, чтобы в универе ты на чем-нибудь ездила...

— Я их в Екате получила.

Понятно. Уже когда с мужем жила. Что ж он в ней уверенность на дороге не развил? Тупо иметь машину, права и бояться водить, всё время останавливая свой выбор на пассажир-

ском сиденье. Потом вспоминаю, что ее бывший муж — кто-то из органов, и до меня доходит: неудивительно совсем отсутствие навыка. Права, скорее всего, были куплены.

— Папа машину подарил, а муж — права? — усмехаюсь я. Выходит злее, чем планировалось.

— Да, всё так, Мирослав, — говорит Натали максимально холодным тоном. — Зато мозги у меня свои. Жаль, что тебе в этом плане не так повезло.

Ауч. Птичка кусается. И еще как.

— Да, именно поэтому я в двадцать семь лет управляю компанией. А ты, подскажи, кто? — парирую в ответ.

Тоже не сахар, но она первая начала.

— Останови машину. — Голос жесткий, не терпящий возражений.

— Если ты думаешь, что можешь нести фигню и никто тебя не осадит, то приспусти розовые очки, Наташ.

— А! То есть только тебе можно вести себя максимально отвратно, не фильтруя речь, считать, что тебе всё позволено? Потом извиниться по-быстрому и считать, что конфликт исчерпан? Так, что ли?

— Слушай...

— Нет, это ты послушай, Мирослав, — девушка разворачивается ко мне лицом и пронзает неприязненным взглядом. Я чувствую его физически — как укол в грудь. — Не знаю, что с тобой не так: кризис среднего возраста ранний или что-то типа ПМС, но вот реально, отвянь, а? Как и планировал сегодня с утра. Нехрен было мне помогать, мог бы просто свалить, я бы подыграла. — Она так раздражена, что грудь ходуном ходит. Я стараюсь не смотреть. Стараюсь. Получается плохо. — Можешь сколько угодно лебезить перед Пуртовой, делать вид, что ты хороший и хочешь возобновить дружбу. Только вот процесс гниения у тебя внутри начался довольно давно. И он вряд ли остановился.

— Всё сказала?

— Да, а теперь останови машину, — всё еще буравит меня взглядом Иволгина.

— Детка, очнись, мы давно стоим.

Наблюдаю, как с нее словно сходит морок. Она моргает, оглядывается по сторонам, и я вижу, как до нее медленно доходит: мы уже на парковке сервиса, двигатель заглушен, ключи в моей руке. Бросает в меня очередной убийственный взгляд и пулей выскакивает из машины. Хлопает дверью так, что уши закладывает.

Гниения. Вот значит как?

Я выбираюсь наружу, захлопываю дверь и смотрю ей вслед. Она быстрым шагом направляется ко входу в сервис, даже не оборачивается. Плечи напряжены, кулаки сжаты.

У себя она проблем не видит, нет? Да, я поступил некрасиво и подло по отношению к своим друзьям. Это правда. Я принял не те решения, не был честен. Но вот только не ей меня судить уж точно. Ведь именно Иволгина растоптала ошметки моего сердца на пятом курсе, ничего не объяснила, просто отменила всё. В тот самый день она просто исчезла.

Видимо, на то, чтобы быть честной, ей сил не хватило. Или я просто не был достоин каких-то комментариев. Как в целом и всего, что было связано с Иволгиной. Всегда на вторых ролях. Всегда ждущий у моря погоды.

Хах, это у кого из нас еще оказалось гнилостно внутри. Я бы тут поспорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.